

УДК 778.5.04

«Миледи смерть, мы просим вас за дверью обождать...». Воспоминания И. В. Вайсфельда о Харбине и письма военных лет

*Долгопят Е. О.***Аннотация**

Дочь киноведа Ильи Вениаминовича Вайсфельда (1909–2003) Лариса Ильинична предоставила копии материалов ее отца. В публикацию включен текст воспоминаний И. В. Вайсфельда о детстве в Харбине и письма военных лет, адресованные жене, Лине Львовне Войтоловской. Лариса Ильинична перепечатала их с оригиналов. Вступительная статья, материалы, примечания и комментарии подготовлены научным сотрудником Музея кино Е. А. Долгопят. Публикуемые материалы существенно расширяют контекст культурно-исторических связей России и Китая и вносят существенный вклад в развитие представлений о культуре повседневности СССР времен Серебряного века и Второй Мировой войны.

Ключевые слова

Илья Вениаминович Вайсфельд, история российского кино, киноведение, архив, мемуары, Серебряный век, сталинский террор, культура повседневности, Вертинский

UDC778.5.04

I. V. Weisfeld's memoirs of Harbin and wartime letters*DOLGOPIAT E. O.***Abstract**

The daughter of film critic Ilya Veniaminovich Weisfeld (1909–2003), Larisa Ilinichna, provided copies of her father's. The publication includes the text of I. V. Weisfeld's memoirs about his childhood in Harbin and wartime letters addressed to his wife, Lina Lvovna Voitlovskaya. Larisa Ilinichna reprinted them from the originals.

The published materials significantly expand the context of cultural and historical ties between Russia and China and highlight the culture of everyday life in the USSR during the Silver age and World war II.

Key words

Ilya Weisfeld, history of Russian cinema, film studies, archive, memoirs, Silver age, Stalin's terror, the culture of everyday life, Vertinsky

Воспоминания Ильи Вениаминович не писал, а диктовал. Для публикации мы воспользовались их расшифровкой, сделанной Ларисой Ильиничной.

В Харбин Илью Вениаминовича привезли в возрасте четырех лет, в 1913 году. В 1925-м он уехал в Советский Союз. То есть его вспоминая — это детские и юношеские впечатления. Фрагментарные и яркие.

Харбин был особенным городом. Его основали русские в 1898 году как железнодорожную станцию Трансманчжурской магистрали. В городе сосуществовали китайская и русская администрация и полиция. К 1917 году число жителей Харбина превысило 100 тысяч. Из них русских чуть меньше половины — более 40 тысяч. В 1935 году СССР продал долю собственности Китайско-восточной железной дороги (КВЖД) Японии. Во время Второй мировой войны 20 августа 1945 года Харбин был занят советскими войсками и после капитуляции Японии передан под контроль китайских коммунистов.

В воспоминаниях можно почувствовать пеструю, фантастическую атмосферу города, его своеобразие. Илья Вениаминович описывает школьных друзей, учителей, занятия, город, время — так, как запомнил.

В письмах⁶ военных лет — атмосфера войны, впечатления от встреч с людьми, заботы, планы, любовь к жене и детям, тревога и беспокойство за них, — та непосредственность, мимолетность жизни, искренность, которую только письма и способны передать. Запечатлеть.

В письмах Ильи Вениаминович упоминает некоего Клейнермана, говорит о нем как о друге. Я не могла ничего отыскать об этом человеке, пока чудом не наткнулась на воспоминания востоковеда, историка, специалиста по шумерскому языку и древним письменностям Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999). До войны он учился в Ленинградском Государственном университете. В 1941 году записался в ополчение. После ряда перипетий стал переводчиком в отделе пропаганды Карельского фронта. В своей «Книге воспоминаний» (СПб: Европейский дом, 1995)⁷ он, в частности, описывает город Беломорск, в котором был во время войны и Илья Вениаминович Вайсфельд (большинство его писем отправлены именно из Беломорска). Я приведу фрагмент из книги Дьяконова, чтобы яснее представить место действия. Фрагмент довольно пространственный, но он мне кажется важным и даже необходимым.

Такого полного описания города из писем вынести невозможно. И дело не только в военной цензуре, несомненно сковывавшей пишущего письмо. Дело и в разности личностей Вайсфельда и Дьяконова, и в разности времен, из которых они «смотрят» на город и события. Точка зрения мемуариста далека от описываемых им событий, мемуарист воспроизводит реальность уже

⁶ Л. И. Вайсфельд передала публикуемые письма в Государственный центральный музей кино. — Прим. авт.

⁷ Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1995. 765 с. — Прим. авт.

несуществующую. Точка зрения пишущего письмо приближена к событиям почти вплотную, он запечатлевает реальность почти непосредственно. И нам представляется уникальная возможность сравнить эти две реальности. Два разных человеческих сознания, два временных пласта, дают, как мне кажется, гораздо более объемную картину. Возникает что-то вроде стереоэффекта. Дьяконов вспоминает: «Через два дня я отправился на свою новую службу. Это была редакция газеты “Дер Фронтсолдат”. Издавали ее на немецком языке и должны были распространять среди немецких войск. Находилась эта редакция, как мы говорили — “на Канале”. Беломорканал — Беломорско-Балтийский канал, — который строили заключенные, и о котором газеты трубили как о месте, где перековываются преступники, становясь ударниками труда, был страшным местом. Там погибло несметное множество людей. В Беломорске говорили, что, когда приехала комиссия, и надо было пускать воду, а на дне еще не кончились работы, то эти работы вместе с людьми прикрывались брезентом и участок затапливался. Но если даже и не так, то все равно были бесчеловечно замучены, замордованы, заморены, расстреляны по меньшей мере десятки тысяч наших людей.

К Белому морю канал выходит в нескольких километрах от Сороки. Он совершенно никчем, так как узок и мелок. Предполагалось, что по нему можно будет перебрасывать эсминцы на Север с Балтийского флота, но на самом деле могли ходить только небольшие баржи за буксиром.

В том году по нему не ходило ничего, потому что выход в Онегу был занят финнами. Речной вокзал на самом кончике канала, где его искусственные берега выдвигаются двумя молами в Белое море, был пуст; следующим летом солдаты купались с него в канале и в море. За каналом, на той стороне, находилась деревня Сальнаволок, очень красивая, похожая на Кижь: старинные дома из огромных бревен с внешними лестницами на галерею второго жилья, скошенные первые этажи, резьба, Жили в них поморы и карелы, их не эвакуировали.

Несколько изб было и по эту сторону канала. Грунтовая дорога вела из Беломорска мимо них к пристани у канала; направо отдельные здания вдоль дороги почти терялись в ровном, тонком рыжеватом окружавшем пространстве, кое-где проткнутом кривыми кульями березок; налево за избами видны кое-где были полуплоские розовые гранитные глыбы и за ними сероватое море, почти всюду издали окруженное такими же сероватыми берегами. Выхода из моря не было видно.

Деревянный барак Управления каналом теперь занимало республиканское НКВД, выселенное из города, где его каменный дом занял штаб фронта. Ближе к нам было еще несколько жилых изб и пожарная команда (сарай с комнатой-казармой для пожарниц, — мужчины были мобилизованы). Затем друг против друга по обе стороны дороги к каналу стояло два одинаковых рыжих дома — вероятно, в свое время жилье офицеров охраны канала, а теперь справа от дороги — редакция фронтовой газеты “В бой за Родину”, слева — наша редакция газеты для немцев, “Der Frontsoldat” — наш дом» [3, с. 533–534].

Илья Вениаминович Вайсфельд был корреспондентом газеты «В бой за Родину». Так что место его службы — редакция «справа от дороги».

Итак, место действия определено. Что же с действующими лицами?

Друг Вайсфельда Юлий Абрамович Клейнерман — корреспондент «Der Frontsoldat», значит, он обитает от дороги слева. Игорь Михайлович Дьяконов рисует в своих воспоминаниях довольно подробный его портрет:

«Он был с одной шпалой — капитан, или, вернее, старший политрук. Как я сообразил только уже после войны, он был мой ровесник, я же воспринимал его как старшего и почтенного: я же был без звания, а он был капитан.

Правда, у нас в редакции не называли по званиям, кроме как Питерского и Гольденберга. Я называл Клейнермана по имени и отчеству (Юлий Абрамович) и на «вы», а он называл меня «Игорь» и на «ты». Только после войны и я стал говорить ему «ты». Он был черноглаз, очень миловиден и пользовался успехом у женщин. Имел бесконечное количество жен и умел расставаться с каждой без ссоры. Последняя его жена (послевоенная) говорила мне: “Юлик чудный человек, у него только один недостаток: все его жены приходят в гости”.

Клейнерман много разъезжал по командировкам, так как именно на его обязанности лежала доставка газеты немцам. Специальных средств доставки не существовало. Только открытые двухместные “ночные бомбардировщики” — фанерные самолеты “У-2” — и больше ничего. Клейнерман садился позади пилота, и в нужном месте пилот сбрасывал через борт пятидесятикилограммовую бомбочку, а Клейнерман — через свой борт — пачку листовок.

Приезжая в Беломорск, Клейнерман иногда писал статьи для газеты “Der Frontsoldat”...» [3, с. 540].

После такого живого портрета, написанного Дьяконовым, совсем иначе читаются письма Вайсфельда с упоминаниями о Клейнермане. Он перестает быть только фамилией, условной фигурой, обретает имя, характер, жизнь.

Об Илье Вайсфельде я тоже нашла упоминание в книге Дьяконова. И вот в каком любопытном контексте:

«Запомнился один батальонный комиссар, с такими светлопшеничными волосами, как будто выцвели на сильном солнце. Он целый день сидел за аккуратно прибранным столом и виртуозно оттачивал карандаши. Второй не сходил с верхних нар, и когда его спрашивали, не пора ли чем-нибудь заняться, отвечал:

— Бог спешки не создал.

Единственный человек, который что-то делал, что-то писал, что-то куда-то относил, был рядовой Илюша Вайсфельд, в миру кинематографический критик» [3, с. 578–534].

Было очень приятно столкнуться с такой характеристикой героя нашей публикации. Увидеть его внимательными глазами Дьяконова.

В письме от 7 июля 1943 года Илья Вениаминович приводит по памяти слова «Ирландской застольной» Бетховена. И обещает: «Это мы пропоем, когда увидимся».

Приведу здесь текст песни (слова Дж. Бейли, в переводе А. П. Глоба) полностью:

За окнами шумит метель
Роями белых пчел,
Друзья, запеним хмельный эль,
Поставим пунш на стол.
Пусть девушки любовь дарят,

Беседу утоля,
 Пусть светится любимый взгляд
 Огнями хрусталя.
 Из ночи и морозных вьюг
 Кто в дверь стучится к нам?
 И отчего немой испуг
 На бледных лицах дам?
 Миледи смерть, мы просим Вас
 За дверью обождать:
 Нам будет Бетти петь сейчас,
 А Дженни — танцевать.
 Что ж потемнели свечи вдруг?
 Зажгите пунш скорей!
 И девушки скорее в круг,
 И песни веселей!
 Звени бокалом, жизнь моя,
 Гори, любовь и хмель!
 Мне б только не сейчас, друзья,
 В морозную постель!

«Ирландская застольная» была очень популярна во время войны. Ольга Берггольц вспоминает о ней в очерке «Лето сорок третьего (Письмо за кольцо)»: «...спели эту песню, любимую в Ленинграде, так же как и на многих других фронтах» [1, с. 214]. Василий Гроссман пишет жене со Сталинградского фронта 25 декабря 1942 года: «Сидел позавчера в глубоком подвале разрушенного завода, шел бой за знаменитый здесь курган, красноармейцы заводили патефон, и слушал сквозь треск и гул сражения печальную величавую песню, которую люблю очень:

Что ж потемнели свечи вдруг,
 Зажгите пунш скорей.
 И девушек теснее круг
 И песню веселей.

Помнишь «Ирландская застольная»? И меня это взволновало и тронуло, вот где пришлось послушать бетховенскую песню. И тронуло меня, что красноармейцам она очень нравится. Раз десять они повторяли ее» [2, с. 50–58].

Почему эта песня «волновала и трогала» и была любима столь разными людьми? Наверно, потому, что шла война, и шаги «миледи смерти» слышал каждый, и каждый просил ее обождать. И, возможно, что песня давала иллюзию того, что смерть и самом деле обождет. Пока звучит песня, смерти нет.

Смерти нет, пока человек пишет письмо. Или воспоминания. И если он их оставит, все, что с ним было, не канет в небытие. Так что воспоминания — это тоже противостояние смерти, забвению. Пока живы те, кто способен их прочесть.

Письма с 1-го по 27-е были отправлены И. В. Вайсфельдом в Алма-Ату, где Лина Львовна жила в эвакуации с двумя дочерьми, Ларисой и Ниной, и работала в сценарном отделе при объединенной студии ЦОКС. Последние два письма (28-е и 29-е) отправлены уже в Москву. 2-е письмо отправлено им из Москвы, остальные — с фронта.

Мы очень признательны Ларисе Ильиничне за предоставленные материалы и участие в работе над публикацией, за память об отце.

Литература

1. Берггольц О. Ф. *Говорит Ленинград*. М.: АСТ, ОГИЗ, 2019. 558 с.
2. Гроссман В. С. «Стал словно другим человеком». Письма с фронта. Вступительная заметка, публикация и комментарии Ф. Губера // *Вопросы литературы*. 2005. № 3. С. 50–58.
3. Дьяконов И. М. *Книга воспоминаний*. СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1995. 765 с.
4. Чертова Н. Г. «Илья Вайсфельд» [составление, библиография, документы] // *Кинограф*. № 18–19. С. 36–52.

References

1. Berggoltz O. F. *Govorit Leningrad [Leningrad Speaks]*. M.: AST, OGIZ, 2019. 558 s.
2. Grossman V. S. «Stal slovno drugim chelovekom». Pis'ma s fronta. Vstupitel'naya zametka, publikaciya i kommentarii F. Gubera [“Became like a different person” Letters from the front. Introductory note, publication and comments by F. Huber] // *Voprosy literary*. 2005. № 3. S. 50–58.
3. Dyakonov I. M. *Kniga vospominanij [Book of memoirs]*. SPb.: Fond region. razvitiya Sankt-Peterburga, 1995. 765 s.
4. Chertova N. G. «Il'ya Vajsfel'd» [sostavlenie, bibliografiya, dokumenty] [“Ilya weisfeld” [compilation, bibliography, documents]] // *Kinograf*. № 18–19. S. 36–52.

Мой Харбин

«Харбин-папа»

(пунктуация и орфография источника сохранены)

Мое странное и тревожное детство началось в Оренбурге, где я родился в 1909 году и прожил первые четыре года, и продолжалось на самом дальнем-дальнем Востоке, в далеком-далеком Харбине, городе-легенде, на китайской территории, арендованной русским правительством на рубеже XX столетия на девяносто девять лет (не на сто, иначе это считалось бы навсегда)¹.

Легендарность Харбина заключена уже в самом факте его появления на территории другого государства. Рядом с ним находился китайский город Фудянь, отделённый от Харбина только железнодорожными путями, город страшно перенаселённый. Из него жители приходили в Харбин, главным образом, для торговли продуктами.

В каждом из двух городов была своя администрация. Для проезда в другие города России не требовалось виз. Помню, как в 1918 году отец по делам поехал в Санкт-Петербург и вскоре вернулся: революционные события не изменили статуса Харбина. Старожилы с теплотой сравнивали его с Одессой: Одесса-мама, Харбин-папа.

Население его было, в основном, русским, но поселялись здесь и представители национальных меньшинств. Все мы были гражданами России, а с образованием СССР — советскими гражданами.

После разгрома белых армий в Харбин приехало много беженцев и остатков разбитых воинских частей. Все менялось ежечасно: одни искали пристанища в процветающем неголодном городе, для других он служил точкой отсчета, отправным пунктом для поездки в другие страны.

Некоторое время сохранялись признаки демократического строя жизни. Выходили газеты разных политических направлений, в том числе и белогвардейские. Советскую точку зрения представляла «Трибуна»².

Семёновы³

Особенно бросались в глаза на улице военные, сохранявшие форму даже после разгрома своих частей.

Особенно отличались те, которые именовались «семёновцами», из войска атамана Семёнова. Вели они себя с замашками победителей, хотя попросту искали в Харбине пристанища. Всё в их внешнем облике было кричащим и глупым: красное галифе, зеленые мундиры, изысканные портупей и пояса, начищенные сапоги. Их наглость находила отклик в эстрадных выступлениях. Наекая на первобытный антисемитизм семёновцев, певица на сцене вполне respectable и аполитичного клуба «Коммерческого собрания» провозглашала в своей пародии от имени атамана:

Погибли планы, мои идеи,

А виноваты во всём евреи.

И еще:

Я куплю себе машинку,

«Ремингтон» и «Ундервуд»,

Буду я на них печатать

Для Семёнова талмуд.

Не знаю, насколько они преуспевали в сексуальном отношении, но этих красавцев можно было часто видеть опьяневшими до безумия или валяющимися на обочинах дорог.

Впрочем, всё это было не так обидно.

Молодежь вооружалась для борьбы с новоявленными бандитами. В этой борьбе принимал участие и мой брат Витя. Он иногда орудовал медной бляшкой своего гимназического ремня (он учился в гимназии имени генерала Хорвата⁴), на лице его появлялись время от времени царапины, ссадины. Однажды он показал плетку-кинжал, взялся за рукоять и вытянул из ножен узкий длинный острый нож. Витя не раз участвовал в ночных дежурствах в опасных местах, в том числе, для защиты немногочисленной еврейской курии, в основном, ассимилированной.

Кастеты и кинжал

А в городе действовали вооружённые кастетами или ножами мелкие группы черносотенцев и просто воров и убийц разнообразного колера, как в нашей Чечне в девяностые годы. Да и просто совершенно случайные ребята, ничего не понимающие в том, что происходит.

Однажды в сумерках, возвращаясь из школы, — а учился я в нормальной советской трудовой школе-девятидетке, которую мы в момент особого воодушевления хотели переименовать в школу-коммуну, но это не состоялось, — я увидел выскочившую из-за угла группу подростков, у них в руках сверкали кастеты. Повезло, что их главарем был сохранивший остатки совести Володька Мозговой, мой одноклассник, с которым я когда-то приятельствовал. Володька громко закричал: «Это Ильюшка Вайсфельд, поворачиваем!» И они унеслись.

Возвращаюсь к Виктору.

Когда я приехал в Москву в августе 1925 года, меня на вокзале встречал Витя. Он помог мне устроиться на ночлег.

В тридцатые годы он вступил в партию. В трагические для нашей страны дни нарастающего террора он занимался работой в профсоюзных и государственных органах на железнодорожном транспорте. Он буквально боготворил руководителя той организации, где он служил. Насколько я помню, фамилия его была Ваньян. На партийном собрании неожиданно объявили о том, что Ваньян арестован, он — «враг народа»⁵. Мгновение потрясения. Витя встает и четко произносит:

— Я не верю, что Ваньян — враг народа.

На этом же собрании, тотчас же мой брат был исключен из партии «за притупление бдительности». Единогласно. Восстановлен в конце шестидесятых годов.

Происшествие на Путевой улице

Харбинская Путевая улица — это вереница невзрачных домиков, с одним окошком, — известные всему городу публичные дома с красным фонарём. Привёл меня туда мой брат Виктор, старше меня на шесть лет, и с ним — несколько его однолеток, я тогда [был] в возрасте лет семи.

В Харбине, в этом красивом русском городе, ещё строящемся и строящемся, параллельно железнодорожному пути пролегла грязная, состоящая из убогих хибарок, Путевая улица. А по ту сторону железной дороги, метрах в пятидесяти, располагался китайский город Фудянь. Встречи жителей двух городов всегда были дружелюбными, продолжительными и неторопливыми — в сущности, общение друзей.

В стекла частенько целились мальчишки, вооруженные камешками: таким образом они хотели выразить своё презрение к этим непонятым домикам. В числе покушавшихся на жриц любви был и Витя. По-видимому, мальчишек заметили, и, чтобы отвести от себя подозрение, они придумали незамысловатый трюк: Витя посадил меня на краю улицы — хорошая исходная позиция для метания камней, — и строго распорядился:

— Вот тебе камень. Сиди, молчи!

Тишина была нарушена вышедшей из своей хибары толстухой в длинном ситцевом платье, с распущенными волосами. Она лениво потягивалась и вдруг заметила меня и мой зловещий камень. Мгновенная перемена. От благодущия не осталось и следа. Она заорала на всю округу:

— Так вот кто у нас бьёт стёкла!

Она воинственно мчалась ко мне, и я в панике убежал. Но происшествие мне запомнилось и даже понравилось.

Вообще, в школах и гимназиях интерес к непонятой, но притягательной сексуальной проблематике был достаточно велик, и это иногда ловко использовалось для того, чтобы нас хоть немного приблизить к выполнению образовательных задач. Например, в те времена когда падежей было больше, чем сейчас, какой-то хитрец сочинил такую песенку:

День был Именительный,

Она меня Звательный,

Я ей Предложный,

Она мне Дательный,

Я ей Творительный,

Так чем же я Винительный,

Что она Родительный?

Правда, родительный падеж в интересах рифмования оказался не на своём месте, но учёба шла легко, весело, играючи.

Гимназический фольклор затрагивал и романтику любви, пусть и в весьма сдержанных проявлениях:

Гимназисткам ром не нужен,

Они без рома хороши.

Им поцелуй горячий нужен,

Но только-только от души!

С балкона четвертого этажа дома, где жила наша семья недалеко от Китайской улицы, главной в городе, видна была точно такая же публичная хибара, какую я видел на Путевой. Кроме основного назначения она имела дополнительное — прибежище для наркоманов, «на вынос». Желая стучал в окошко, протягивал плату и в эту же руку получал желанный укол.

Ничего не говоря моим родителям, брату и сестрам Нине и Лиде, я вооружившись подходящим камнем и нацелился на этот домик. Брошенный камень точно попал в стекло. Выбежала обитательница с такими же проклятиями, как и на Путевой улице. Я бросился наутек и скрылся в дворничкой. Ее хозяином дворником был мой большой друг китайский мальчик лет двенадцати по имени Куй.

В этом уединённом месте я переживал происшедшее. Место было надежное, тем более, что с Куем меня связывали и более серьезные события. Однажды ночью в дворничкой случился пожар, Куй получил тяжелые ожоги, ему пришлось ампутировать ногу. Его карьера дворника на этом не закончилась: он скакал с костылем, такой же приветливый и милый, каким был до несчастья. С ним я дружил вплоть до августа 1925 года, когда я, шестнадцатилетним, покинул Харбин и уехал в Москву.

Как мне стало позднее известно, Путевая улица боролась за свою клиентуру, достаточно многочисленную в этом пестром городе, где сплотились все национальности и о котором можно сказать словами Пушкина: «Какая смесь одежды, лиц, племен, наречий, состояний»⁶. По вечерам Китайская улица пестрела проститутками, почище Тверской в Москве наших дней. Одну из них мы даже знали. Это была дочь начальника местной тюрьмы Трофимова Галя, рано ставшая на этот путь и бросившая школу. Знали потому, что ее старшая сестра, кажется, Клавдия, была примерной школьницей, занималась в одном классе с моей старшей сестрой Ниной и очень глубоко переживала грехопадение Гали.

Об этом — ни слова, ни кадра!

Я бы не хотел по этому поводу морализировать. Вопрос слишком сложный, многозначный, чреватый неожиданными поворотами, иногда совершенно парадоксальными, относящимися не только к тем далеким временам, но и к нашим дням. Один сведущий человек мне рассказал, что после вышедшей на экраны страны картины Петра Тодоровского «Интердевочка» в редакцию газеты «Пионерская правда» посыпались письма от школьниц: сообщите, пожалуйста, адрес того ПТУ, которое готовит проститутку⁷. Тогда это казалось просто забавным происшествием в газетной жизни. Все это так. Но, с другой стороны, — это свидетельство возникавшего открытия темы, которая долгие годы была наглухо закрытой как для литературы, кино и театра, так и вообще для школьной жизни.

Помню, как в двадцатые годы массовым тиражом в роман-газете появился роман моего друга Юрия Либединского «Рождение героя»⁸. Там излагался короткий эпизод, когда герой видит молодую девушку под душем и восхищается, достаточно сдержанно, красотой ее тела. (Это был момент биографии писателя, который в действительности женился на молоденькой, и многие годы они были счастливы.) За этот эпизод на Либединского обрушилась критика, обвиняя его во всех смертных грехах — закрытую тему запрещено было открывать.

Могли ли предположить юные корреспондентки, обращавшиеся в газету со своими наивными грезами, что их пожелание

через несколько лет будет реализовано, да еще в каком масштабе!

Однажды случайно в [1993] году я включил телевизор в ночное время (как правило, я по ночам телевидение не смотрю, происшедшее было исключением) и вдруг увидел заголовок передачи «Клубный десерт» с рекламными вкраплениями «Секс по телефону». Молодые жрицы любви весело и разнообразно, совершенно обнажённые, соблазняли своими прелестями мужчин. На глазах тысяч и тысяч зрителей в масштабах, превосходивших мечтания зрительниц «Интердевочки», реализовывалась идея создания специфического ПТУ. Конечно, сюжет этой передачи был как бы ориентирован на относительно узкую категорию зрителей — на импотентов, но, как и самый факт выпуска на экраны «Интердевочки», символизировал открытие права на существование в кино и других искусствах, в педагогике, находившейся до тех пор под запретом важной стороны человеческой жизни.

Из большого числа постоянных субботних передач НТВ «Про это» мне хватило двух, чтобы заметить основное противоречие цикла: сочетание развязных, отдающих пошлостью приглашаемых дам и кавалеров для рассуждений о сексе с известной долей познавательной ценности и даже такта, необходимых при рассмотрении нюансов интимных подробностей, которые в повседневной жизни обычно покрываются непроницаемым покровом абсолютной тайны.

Как будет разрешено это противоречие в последующих передачах, покажет будущее. Однако, я увлёкся...

Думаю, что несоответствие отца и матери друг другу после рождения четырёх детей начали обнаруживаться с всё большей чёткостью и глубиной. Они отдалялись друг от друга, часто ссорились на наших глазах. Для обоих родным языком был русский, однако, когда родители оберегали нас от предмета разногласий, они переходили на польский или еврейский. Нас с братом они ориентировали только на русский язык и русскую культуру, а дочерей отправили на обучение английскому языку в Японию в католическое учебное заведение (Сан Франсиско скул). По этому поводу Витя сочинил стишок (словом «хотя» обозначался в Харбине китаец):

Хотя носит полный куль,

Там горох и птица,

У нас в Сан Франсиско скул

Лидочка — сестрица

И соответственно — о Ниночке.

Позднее я понял, что скандалы в семье могли возникать из-за молодой женщины, которая снимала одну комнату в нашей квартире, это была довольно эффектная особа, голубоглазая, с длинными ресницами, изящно одетая. В ее комнате всегда пахло духами, и, что меня, пятилетнего, особенно привлекало, — на столе всегда стояли сладости. Меня она обычно потчевала пирожными.

Однажды я забежал к ней, комната была пуста, а на столе — соблазнительные пирожные. Времени для размышления не оставалось. Не раздумывая, схватил одно, другое, на третье не хватило сил, и я его сунул себе под свитер, — о последствиях нетрудно догадаться.

Видимо, мать ревновала отца к этой квартирантке, но утверждать не могу. Точно знаю, что он мало бывал в семье: либо в кабинете, либо его занимали бесплодные попытки в коммерческой деятельности. Его можно было встретить в кафе, где встречались коммерсанты, — называлось оно Зазуновкой, по имени владельца, — в жаркое летнее время — за столиком прямо на тротуаре — там легче дышалось.

Испанский бокс и т. д.

Образ Харбина создает не только Путевая улица.

Мои попытки связать будущее со служением музам относятся к очень давним временам. Вот как это было.

Родители взяли меня на представление лилипутов. Я был ошарашен, как это может быть только с ребенком. И как ребенку решение пришло мгновенно: я должен был покинуть родительский дом. Дело требовало подготовки. У меня почему-то хранились две матросские бескозырки. Обе взял под мышки и отправился в путь — в роскошный отель «Модерн». Меня остановил швейцар, усатый, в мундире и в какой-то торжественной фуражке. Воспроизвожу короткий разговор.

— Ты куда, мальчик?

— Я к лилипутам. Я поеду с ними.

— Но они же маленькие, а ты вырастешь.

— А я обещаю не расти.

— Так лучше быть высоким, спортсменом!..

Это была катастрофа. Так же, как мгновенно возникло решение, оно и разрушилось. Травма, травма...

С одиннадцати лет я увлекался спортом, вступил в харбинское спортивное общество. Возглавлял его инструктор Василий Васильевич Квашинин, прошедший обучение в Соединённых Штатах. Там я научился бейсболу (усложнённая лапта), которого у нас в стране до сих пор нет. Может быть к лучшему? Бейсбольный мяч — просмоленный, твёрдый, как камень.

Обе команды снабжались большими кожаными перчатками, а китчер, который ловил мяч, когда его метали, — и решеткой на лицо и на грудь, как в хоккее. А тот кто метал с большого расстояния, назывался питчер. Честно говоря, я даже доволен, что у нас нет бейсбола из-за этого мощного и опасного мяча: как бы сдуру или спяну не разбивали друг другу головы!

Играли в баскетбол, волейбол, метали диск, копье, прыгали в длину, в высоту, в тройной прыжок, с шестом. Самые удачливые в воскресенье выступали перед публикой на большом стадионе. Здесь участвовал и я.

Особенно нравился нам испанский бокс — трибуны хохотали до упаду. Представьте себе четырехугольное пространство в центре стадиона, засыпанное песком для прыжков. Посредине устанавливались два высоких козла примерно моего сегодняшнего роста — 1 м 83 см, отдаленных друг от друга четырьмя метрами. На эти козлы устанавливалось длинное узкое хорошо отесанное бревно, на которое борющиеся усаживались друг против друга, свесив ноги. Неподвижно сидеть было очень трудно. К тому же, каждому из соревнующихся вручали по небольшому мешочку с песком. В таком висячем положении держать его в руках было непросто, можно упасть без боя. Надо было этим мешком сбить противника. Достаточно было размахнуться, не нанося удара, как ты летел вниз головой. Неудачника сменял другой. Борьба продолжалась под

непрерывный смех до последнего человека.

Не советую моим читателям-родителям рекомендовать детям испанский бокс. Как бы не лопнули со смеху. Всё на себе испытал. Занимались мы и водным спортом. Нас было четверо друзей, вскладчину мы купили лодку-плоскодонку. Решили ей, как кораблю, дать имя, назвали Босячкой. Река Сунгари, на которой стоит Харбин, — бурная, непокорная, избыливающая водоворотами, поэтому Квашнин, наш инструктор, занятия по плаванию и управлению лодкой проводил в проливе. А нас тянуло к бурной жизни.

Однажды я голышом прыгнул с лодки и тут же попал в водоворот реки. Меня неудержимо тянуло вниз. Инстинкт подсказал: не сопротивляться. И это оправдало себя: как только я достиг дна, я с силой оттолкнулся, и сам водоворот вынес меня на поверхность. Головой я ударился о дно лодки. Меня вытащили — сначала в лодку, потом на берег. Сбежались ребята, стали меня откачивать, — я все же нахлебался. Как только я, лежа на спине, открыл глаза, произнес первыми такие слова:

— Девочки меня видят.

... Мои ранние спортивные увлечения прошли через всю мою жизнь, потом переросли в подмосковный туризм, лыжный и пеший. Когда несколько лет назад во время телевизионной съемки меня спросили, какой ошибки я хотел бы избежать в будущем, я ответил: только не прекращать пешеходного туризма.

А что предшествовало моему испанскому боксу и плаванию на Босячке?

От мадам Карагеновой до блистательной Думбадзе

Через четыре года после приезда в Харбин (из Оренбурга, где я родился) родители отдали меня в подготовительный класс упоминавшейся уже гимназии им. генерала Хорвата. Запомнилась она по разным, непохожим друг на друга, обстоятельствам. Гимназия находилась далеко от нашего дома, особенно трудно было добираться в лютую морозную погоду, характерную для резко-континентального климата Манчжурии. Иногда родители мне давали 30 или 40 копеек для поездки на извозчике. Все равно путешествие было непомерно далеким и злым.

Расписанием предусматривались уроки Закона Божьего. У нас эти уроки вел православный священник, старенький и очень добрый. Все в его изложении выглядело сказочным — он пересказывал Библию. До религиозного восприятия я просто не дорос, а вот сказания заставляли меня волноваться и сопереживать героям нашего славного старикана. В церковь он нас почему-то не водил, о чем я очень жалел. Тем более что она была красивая и гордо возвышалась на одном из холмов района, называвшегося Новым городом.

Приготовишек и первоклашек заставляли изучать немецкий язык. Занятия вела некая мадам Карагенова, которая в каждом из нас подозревала неисправимого лентяя. Ни одного немецкого слова я не воспринял, только задевали гневные обличения плохо владевшей русским языком учительницы, когда она хриплым голосом выкрикивала: «Ти лодырь!»

Рутинная гимназическая жизнь чаще всего не достигала своей цели, вызвала насмешку. Какой-то сочинитель начертил текст оперы, ее исполняли в ритме речитатива. Действующие лица — члены экзаменационной комиссии и один гимназист.

Члены комиссии разной специализации по очереди извлекали вопросы:

Ну, Ива-анов, на-чи-на-ай-те,

Не робейте, отвечайте,

Покажите ва-аши зна-а-нья

Нас-чет зна-а-ков пре-пи-на-а-нья.

И решите на-у-да-а-чу

Вы по а-ал-геб-ре за-да-а-чу.

А в конце како-о-го ве-е-ка

Был осно-о-ван город Мэ-е-кка?

И ка-ки-ие па-пи-ро-сы

Курил Фрид-рих Бар-ба-ро-о-сса

Гимназист отвечал:

Надоели мне науки,

Ничего в них не понять,

Про-си-де-ел я насквозь брю-ю-ки,

Не в чем вы-ый-ти по-гу-лять!

На рубеже двадцатых годов недалеко от Китайской улицы была основана по советскому образцу трудовая школа-девятiletка со своим, скрытым от взора полиции, пионерским отрядом и молодежной организацией, — их деятельность курировал отдел молодежи в правлении Китайской Восточной железной дороги. На деле это был полуполюгальный вариант комсомольской организации. Во главе ее стоял Саша. Александр, молодой человек лет двадцати, высокий, стройный, с красными пятнами на бледном лице, выдававшими его туберкулезное заболевание. С ним я сблизился потому, что он снимал комнату в нашей квартире и был влюблен в мою старшую сестру Нину, белокурую красавицу с великолепной длинной косой.

Когда Саша выступал на территории какого-то дровяного склада на митинге в честь революционной России, его арестовали и посадили в тюрьму. К моему величайшему изумлению, в местной газете было опубликовано нечто осуждающее митинг, а об Александре было сказано почему-то так: «Полиция арестовала конторщика Сёмина» (таково было, видимо, его официальное положение).

К нашим учителям в советской школе мы относились избирательно. Английский язык нам преподавал некий Лацис, беженец, который очевидно не нашел другой работы. Все преподавание сводилось к выкрикам на непонятном языке, смеси латышского с немецким и английским. Как мы, сорванцы, мстили неудачнику! Перед его появлением мы бегали по партам, вооруженные железными трубочками из-под ручек, и выстреливали друг в друга смоченными слюной комочками бумаги, и орала. Однажды, когда появился Лацис, мы пропели заранее подготовленный рифмованный текст:

Товарищ Лацис, пожалейте нас

И дайте знания хотя бы в наш час!

СССР растёт, от нас он помощь ждёт,

И ваш предмет в борьбе нам пользу принесёт.

Этот концентрат косноязычья все же выражал нашу убежденность в существовании государства за пределами пограничной станции Манчжурия.

А обожали мы учительницу по истории литературы Думбадзе. Это была исключительно красивая женщина, одетая с большим вкусом. Слова урока она произносила с легким грузинским акцентом и всегда тихим голосом. Но, честно говоря, содержания я совершенно не воспринимал. Просто любовался ее прекрасной внешностью, которую забыть не могу до сих пор.

Мадам Карагенова из гимназии и Думбадзе из школы-девятилетки были для меня двумя разными мирами — разошедшаяся земля и голубизна неба.

...Почему-то вспоминается пионервожатый, которого мы считали пожилым (в его 24 года) — рыжеволосый, веснушчатый, суетливый. Не давались ему некоторые буквы, особенно «р», и вместо «ы» у него получалось «и». Как назло самому себе, построив нас, пионеров, он выкрикивал слова, где было немало для него роковых букв:

— Пионер-р-и-и! К борьбе за дело р-рабочего класса, за дело Кар-рла Либкнехта и Р-розы Люксембург-рг будьте готови-и!

Мы вяло отвечали:

— Всегда готовы...

Зато мы очень любили руководителя пионеротряда в КВЖД Шуру Константинова. Он бегал и прыгал через препятствия почище Дугласа Фербенкса⁹. Нравилась нам и его подруга пионервожатая Люба.

Однажды, когда в двадцать третьем году, по случаю годовщины Октября, полиция разгоняла митинг трудящихся, он нам помог скрыться от блюстителей порядка. Я бежал за ним не отставая. А жил Шура в так называемой Нахаловке, части городской территории, захваченной русской беднотой, которой негде было жить. Здесь они понастроили из случайного материала легкие домики с буржуйками. В одной из комнатенок такого сооружения и проживал наш любимец Шура.

Этот притягательный Домбровский и другие

Но само отношение к литературе мне давал учитель Домбровский. Он был влюблен в современную революционную поэзию — Есенина, Блока, Маяковского, Волошина. Читал он громким голосом, очень выразительно, всегда расхаживая по всему классу, никогда не садился. Если я обрел способность воспринимать поэтический текст, то именно благодаря Домбровскому. А как он читал Блока! Поэму «Двенадцать» — как молитву. Когда он произнес первые слова, — напомним их:

Черный вечер.

Белый снег.

Ветер, ветер!

На ногах не стоит человек.

Ветер, ветер —

На всем божьем свете!

Многие из нас просто вздрогнули. Лица как будто вытянулись. Особый наш подъем — после финальных слов:

...Так идут державным шагом —

Позади — голодный пес.

Впереди — с кровавым флагом,

И за вьюгой невидим,

И от пули невредим,

Нежной поступью надвьюжной,

Снежной россыпью жемчужной,

В белом венчике из роз —

Впереди — Иисус Христос.

Мы постепенно начали подниматься. Первым во весь рост встал тот самый Володька, которого я встречал в харбинских сумерках во главе кастетной «команды». За ним постепенно — все мы. Молчал учитель, молчали и мы. Не очень мы разбирались в том, кто такой Иисус Христос, воспитанные на пошлых рифмованных издевках вроде:

Иисус Христос давно уж помер,

Но что воскрес, вот это номер.

Или:

Господу богу не молимся,

Бога в республике нет,

С ним пролетарии борются,

Чтобы не правил кадет. (!!!)

Но все мы, оцепеневшие, переживали, думали каждый о своём. Действительно, «Двенадцать» Блока оставались навсегда с нами.

Однако не обошлось без курьёзов.

Как известно, в поэтических текстах того времени иногда встречались слова, которые именуются ненормативными. Представьте себе, девочки написали коллективное заявление на имя директора, осуждающее за это Домбровского. К счастью, процесс не имел последствий.

Через много лет мне рассказала моя вгиковская ученица, что в библиотеке ее родителей подобные слова в книжках тех лет тщательно заштриховывались. Но любопытство моей ученицы брало верх, и в ход шел ластик.

Теперь я догадываюсь, что мы были противниками всякой неестественности. Был у нас в классе такой паренек, которого подозревали в онанизме. Считалось, что он достигает удовольствия при помощи собственного кулака. Тут же ему придумали наименование: «кустарь-одиночка с кулацким уклоном». Произносили это только за глаза: а вдруг зря наговорили на парня?!

Любопытно, что именно в дни встреч с Думбадзе и Домбровским я испытал нечто похожее на первую влюбленность. Предметом моего влечения была одноклассница Изабелла, мы ее называли Иза. Успех ее у мальчишек был впечатляющим: у дверей ее квартиры нередко выстраивались очереди желающих встретиться с Изой во внеурочное время. Но она не выходила. Снисхождение очень редко посещало ее. Среди счастливиц был и я. Эта чуть полноватая, видимо, эротически заряженная девочка с ее выразительным взглядом и пухлыми губами запоминалась.

Однажды я проводил ее до дома. Прощаясь, мы поцеловались в губы. Не произнося ни слова. И я ушел, покачиваясь. Не оглянувшись.

Ещё у нас преподавал венгерский балетмейстер Герман Бела, занесенный в Харбин волной перемен на всем пространстве России. К венгерской фамилии генерала Хорвата¹⁰, основавшего гимназию, добавился основатель школьной хореографии. Это был очень высокий человек, весьма длинноногий, с деликатно подстриженными усиками. Глаза всегда отражали какую-то вспышку его воображения. Он почти ничего не объяснял, все показывал. Особенно хороша была его походка: широкий шаг, четким ритм, паянные повороты.

Занятия проводил обычно в спортивном зале или в клубном помещении коммерческого собрания. Считал, что партнер не обязателен — ты сам себе партнер, всё выражай разнообразием движений — и рук, и ног. Он как бы предугадывал дальнейшее развитие танца в этом направлении. Еще одно наставление Германа: несмотря на увлекательность вальса, краковяка и так далее, изобретайте свои танцы. И мы однажды изобрели, назвали танец модно — «дирижабль», партнеры на расстоянии друг от друга, прикосновение только одними пальцами вытянутых рук, музыкальный ритм — с инструментальным акцентом, желательна смена направлений, ритмические переходы.

Теперь сделаем как в кино — «затемнение» и «из затемнения». «Из затемнения» — современность. Торжественный юбилейный вечер ВГИКа в помещении цыганского театра «Ромэн», — кажется, в 1995 году¹¹ (когда актовое вгиковское зал был занят переоборудованием). Я вспоминаю вдруг уроки Германа Белы, начинаю танцевать сам с собой. Все окружение весело возбуждено, в том числе и моя Ольга.

Неожиданно приближается заботливая хозяйка всей этой «тусовки». Своим низким голосом она обращается ко всем и к каждому в отдельности:

— Сволочи, остановите Вайсфельда! Он упасть может.

Отозвалась Ольга:

— А вы попробуйте, остановите!

Все продолжалось совсем по Герману Беле. Несмотря на мою седину...

Борис Дранов и его проблемы

С Борисом Драновым я сблизился, когда мы оба старались сформировать ученическое самоуправление, подсказанное советским педагогическим опытом. Борис был прирожденным оратором, его стихией была, пусть и наивно выраженная, политическая деятельность. Как-то он пригласил меня в театр во время выступления его родителей — комических актеров, не куда-нибудь, а за кулисы. Они разыгрывали сценки, танцевали и пели. А потом пригласили нас в актерскую уборную, угощали сидром и пирожными, а потом, хоть и не очень молодые, пустились в пляс и нас втягивали в свой круговорот. Мы испытали высшее наслаждение искусством.

Уроки мы с Борисом готовили врозь, а вот на ученические собрания приходили вместе, и Боря, хоть мой одноклассник, мне покровительствовал. Однажды он предложил меня избрать председателем загадочной ревизионной комиссии. Слово «ревизор» до этого у меня ассоциировалось с полицейским, который приходил в наш двор обследовать санитарные состояния помойных ёмкостей.

Не раз Боря приходил и ко мне домой. Словом, неразрывная дружба, без шероховатостей.

Часто мы встречались и в Москве, уже покинув Харбин. Борис увлекался журналистикой и делал какую-то профсоюзную карьеру.

Однажды мы встретились «по строго секретному поводу», когда нам было уже за двадцать. Борис рассказал, что к нему явился представитель «органов» и предложил писать донесения обо мне. Конечно, он наотрез отказался. Но вызывали еще раз и еще, начали грозить: он — член партии и должен, и т. п.

Вместо этого он продолжал мне все рассказывать, но глубочайшая тревога не покидала его. Однажды он почувствовал, что теряет рассудок. Виновницей всего ему показалась его жена. Борис хватает табуретку и в ярости бросает в нее. Рыдания перехватывают его горло. Он кидается звонить в психиатричку (номер телефона заготовил заранее) и объявляет себя их пациентом. Его принимают, начинают расспрашивать: фамилия, имя-отчество, где живет, над чем работает. Он на все ответил, и дежурный врач ему заявил: «Вы — не наш пациент, вы здоровы».

Но покой не наступил, страх перед потерей рассудка как будто заковал его. В конце концов тяжелая болезнь свалила моего верного друга в постель на всю оставшуюся жизнь. В моем сердце он остается живым, остается надежным верным другом¹².

Познакомьтесь: доктор Сеницын

За время жизни в Харбине с 1913 по август 1925 года смерчем пронеслись две эпидемии — холеры и чумы. Особенно страшны оказались потери от чумы. Трупы на улицах были не редкостью и в перенаселенном Фудяняне, и в заселенном русскими Харбине.

На страницах русских местных газет часто появлялось имя доктора Сеницына. Однажды я его видел. Помню: низкие облака закрывали свет солнца. Что-то зловещее было в ранних сумерках. Доктор Сеницын как дирижер трагического концерта стоял на высоком постаменте, обращаясь с какими-то словами к русским и китайским коллегам, врачам и сестрам. После ликвидации эпидемии предполагали назвать одну из улиц Харбина именем Сеницына¹³. Сейчас я думаю, что не исключено было бы создание совместной китайско-русской комиссии историков и архивистов, которые обратились бы к документам того времени.

Китайские картинки

Дружелюбие харбинских и фудянянских китайцев и русских проявлялось во всем, включая мои занятия с Куем. Я его обучаю

русскому, а он меня — китайскому.

До сих пор моя память сохраняет слова китайской разговорной речи. И сейчас, прохаживаясь по своему кабинету, я иногда вслух считаю по-китайски до десяти: и, эр, сан, сы, у, лю, чи, па, тю, ши. Далее счет шел на десятки — эр-ши, санши, сыши, уши, люши, чиши, паши, тюши — и заканчивался сотней — ибай.

В то харбинское детство у себя дома в присутствии Нины и Лиды я считал по-китайски. Они хохотали, когда звучало нечто похожее на мое имя — Илюша. Играя, мы лучше запоминали незнакомые слова.

Для контраста приведу возмущивший меня текст рекламы ресторана в одной из русских харбинских газет: «Пища готовится без прикосновения китайских рук». Боже, — подумал я, — какие подонки!

Бандитов занимавшихся грабежами, называли хунхузами. Действовали они чаще всего в небольших поселках и крайне редко в самом Харбине. Тревожило это всех.

Однажды китайские власти решили успокоить население Харбина: по улицам города проехал обоз в несколько десятков телег, на каждой из которых восседало несколько осужденных к смертной казни хунхузов. Кисти рук каждого были связаны за спиной, они склонялись и что-то напевали на своем языке. Иногда это переходило в плач, щемящий душу вой. Улица молчала. Звук исходил только от хунхузов. Мы ничего не понимали.

После этого слухи о криминальной деятельности хунхузов затихли. Но ненадолго. Вскоре последовало сообщение о том, что хунхузы совершили нападение в посёлке Эрцэнзяндзы, замечательном дачном месте, куда мы всем классом выезжали в летнее время на отдых вместе с учителем математики Николаем Ивановичем.

Его уроки были для нас праздником. В зимнее время по вечерам он обучал мальчиков переплётному делу, которое нам очень нравилось. И особенно веселые истории, которые он рассказывал за этим занятием, нередко с ненормативными словами. И такое бывало...

Кое-что о Вертинском

Судьба баловала Харбин многими интересными людьми, главным образом, приезжими. Помню, например, имя профессора Устрялова. Он был редким представителем интеллигенции, который верил в прогресс страны в условиях советской власти, в условиях нэпа. Впоследствии он уехал в Москву, и там ему разрешили (о, чудо!) издавать собственный журнал. Сохранилось в памяти название передовой статьи в одном из выпусков журнала: «Рост трудностей роста». Видимо, это был блестящий человек. Однако, журнал вскоре закрыли. А сам благородный Устрялов бесследно исчез¹⁴.

Большой успех в городе имели гастроли Московского Малого театра; особенно мне понравился актер Первого Дальневосточного театра Константин Зубов¹⁵, игравший Гамлета, Арбенина.

Как-то я, десятилетний мальчик, ждал его появления после спектакля возле служебного входа. Его сопровождали какие-то двое неизвестных мне людей. Они громко разговаривали и смеялись. Я слышал смех самого Зубова! Когда они проходили мимо шикарного кинотеатра «Модерн», по вымощенному плиткой тротуару раздавалось цоканье каблучков. Как интересно! Я был счастлив.

Однажды у нас пронеслись слухи о возможном приезде Вертинского в Харбин.

На занятии по литературе я спросил Домбровского, кто это такой — Вертинский, с чем это кушают?

Он задумался и ответил:

— Об этом — на следующем занятии.

Впрочем, о сути творчества этого загадочного поэта я тогда мог судить по нашим изменениям его текстов. У Вертинского — трагедия: «Но бездна разрыва легла между нами»; у нас — шутовство: «Но баржа с дровами легла между нами». Такое наше истолкование распространялось и на оперетту. Например, на популярную «Баядерку». В сценической редакции: «Затмила красотой ты месяц золотой...», в нашей: «Закрывает красотой фонарь на мостовой, о Баядера, весь я твой!»

На следующий урок Домбровский пришел с гитарой, много повидавшей.

И запел из репертуара молодого Вертинского. Привожу запомнившиеся мне навсегда строчки, не сверяя с текстом, который впоследствии много раз публиковался:

В синем и далеком океане
Где-то возле Огненной Земли
Плавают в сиреновом тумане
Серые большие корабли.
Их ведут седые капитаны,
Где-то затонувшие давно...¹⁶

Я ничего не понимал. Но слушал и постепенно погружался в поэтические вымыслы Вертинского. А Домбровский был в ударе. Видимо, он понимал больше, чем мы, и основательно готовился к сегодняшней встрече. Мне даже показалось, что он в тот день побрил свою рыжую бороду.

Когда замолкла гитара, замолчал и Домбровский.

Я сказал:

— О Вертинском много говорят. Рассказывают, он сейчас в Шанхае и собирается к нам сюда.

Последовал отклик:

— Не знаю, не знаю, время покажет.

Бывает, заочное знакомство больше входит в твою жизнь, чем очное. Ночью мне приснилось, что я в автобусе еду на Огненную Землю для встречи с Вертинским. Я спокойно сидел в своем кресле, задремывал. Мерно покачивало. Проснувшись, я спросил соседа:

— Скоро Огненная Земля?

— Дорогой, мы уже давно ее проехали...

В ужасе я осознавал: Вертинского мне никогда не увидеть. И вдруг заплакал.

Утверждали, что он приезжал в Харбин¹⁷. Мне не повезло, я его не видел. Впрочем, некоторые его песни я знал наизусть.

И все же, все же!

В конце концов мне удалось увидеть Вертинского, но только после войны, в Москве, на Пречистенке в Доме ученых, куда я пришел вместе с моей очаровательной тещей, пианисткой Анной Ильиничной Войтоловской. Аудитория ученых по своей природе, более склонная к анализу, недоверчивости, скептицизму, была прямо-таки загипнотизирована поэтом. Он соединял в себе тайну композиторского творчества с поэтическим мышлением и щедростью — источником его овладения аудиториями во всем мире. Это вам не Кашпировский или Чумак...

Через много-много лет студентам ВГИКа я произносил вот какие его строки:

Измельчал современный мужчина,
Стал таким заурядным и пресным,
А герой фабрикуется в кино,
И рецепты нам точно известны¹⁸.

Потом я не раз слышал, как студенты распевали эти строки на вольный мотив.

Еще одно мое заочное общение с Вертинским произошло во время войны.

В штабе 26-й армии, где я служил, мне поручили сопровождать двух немецких военнопленных, вступивших в Фрайез Дойчланд¹⁹, чтобы содействовать освобождению Германии от гитлеризма. Направлялись они в Москву для дальнейшей работы на одном из южных участков фронта. Они были в советской военной форме, но без погон, конвой им не полагался, только офицерское сопровождение. (Помню, что один из них до войны работал на заводе киноаппаратуры и, узнав о моей мирной жизни в качестве кинематографиста, пригласил к себе в гости в Тюрингию — после победы. Второй — член компартии, участник стачки берлинских печатников.)

Прибыли мы на станцию Лоухи для следования поездом к месту назначения. Подошел я к окошку коменданта, полный отказ — билетов нет. Мы направились на перрон. Поезд прибыл.

У каждого вагона — застава: проводник и военный патруль. Положение безвыходное. Но я обязан выполнить приказ, и я страшно хотел побывать в семье, хотя бы два дня. Это был октябрь 1944 года, моя первая поездка с фронта в Москву.

Но у одного вагона никого не было. Ко входу в вагон быстро приближался матросик с кипятком в котелке. Я спросил его, почему сюда никто не идет? Матросик объяснил: наш брат, матрос, конфликтует с вашими пехотинцами, только недавно стреляли мимо уха вашего полковника.

Я принял решение — идти напролом; немцам я строго наказал: ни одного слова по-немецки (по-русски они, конечно, ни бум-бум). Я понимал, что их могут просто растерзать. Хорош бы я был в глазах командования 26-й армии!

Я предложил немцам забраться на самую верхнюю полку со своим дорожным пайком и молчать. Вагон был не купейный, просто плацкартный, просматривался по коридору из конца в конец.

Я заметил, как постепенно приближается к нам хмельной матросик, крепкого сложения, со стандартным чубом под бескозыркой. Все ближе, ближе, ближе. Приближаясь, он хвастался своим знакомством с Вертинским на одном из советских кораблей.

Наискосок от меня на нижней полке лежал солдатик, на животе. Матрос схватил его за загривок и за задницу, резким движением поставил на ноги и занес руку для удара. Вдруг заметил на груди своей жертвы звезду героя Советского Союза. — Так ты герой, оказывается, тогда езжай дальше. — И шваркнул его на место.

Я почувствовал, что пришла минута моего действия. Протянул руку в соседний отсек, схватил матроса за рукав и спросил то, о чем я уже знал:

— Слушай, брат, не ты ли был на корабле, когда Вертинский возвращался?

Матросик оцепенел. Растерянно спросил:

— А ты откуда знаешь?

Не отпуская, держа его за рукав, я ответил:

— Так, брат, на ходу не поговоришь. Ты садись, давай выпьем!

Он охотно подчинился. Я разлил четвертинку по стаканам, и мы с ним проговорили до утра. Сначала о Вертинском, а потом перешли к архангельскому эпизоду в его жизни.

Оказалось, что он служил в Архангельске, как-то случайно встретил английский патруль с причалившего корабля Британского флота и не своим голосом заорал: «Враг здесь, изготовиться к стрельбе!». Бедным англичанам повезло. Случайно проходивший наш патруль задержал буяна и отправил в комендатуру. Его наказали штрафбатом. Не ручаюсь за достоверность рассказанного, но мой собеседник сообщил:

— Нас было человек пятьсот, направили всех на минное поле. Уцелело, кажется, одиннадцать, и вот я, и я тебя люблю!

Мы обнялись как друзья. Поезд приближался к Москве. Опасность для моих немцев миновала. Помог — ни более, ни менее — сам Вертинский.

Еще один штрих, так сказать, из другой оперы.

Один из моих вгиковских студентов очень нуждался. Я подал ему идею: свяжитесь с приехавшим в Москву Вертинским, возьмите у него интервью, вам заплатят. Если получится, вы приживетесь в газете, будете подрабатывать журналистикой.

Студент охотно согласился. У него с Вертинским произошел разговор по телефону.

Вертинский спросил, зачем он хочет повидаться. Студент объяснил. Вертинского что-то раздражило, и он произнес роковые для студента слова:

— Если вы хотите что-то обо мне узнать, прочитайте в Британской энциклопедии.

На этом финансовая операция провалилась.

Поехали...

Многие в Харбине понимали, что Харбин не так уж долго останется таким, какой он есть. Прежде всего, сам договор между Россией и Китаем был жестко ограничен сроком — девяносто девять лет. А главное — всё изменила революция.

Харбин находился в так называемой полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), протянувшейся от границы России с Китаем. Это была русская земля на территории Китая.

Все, кто кончили высшие учебные заведения и средние школы, рабочие потенциальные пенсионеры, русские семьи равных уровней, задумывались, постепенно принимали решение об отъезде из Харбина. Одни твердо ориентировались на Соединенные Штаты Америки, другие намечали Австралию, третьи, в качестве переходной базы, — Шанхай.

Мы, ученики школы-девятилетки, бескомпромиссно ориентировались на СССР, наизусть знали слова Интернационала:

Весь мир насилия мы разрушим

До основанья, а затем

Мы свой, мы новый мир построим,

Кто был никем, тот станет всем.

Еще легче запоминались рекламные строки поэта, написавшего в начале НЭПа:

Мы оставили от старого мира

Только папиросы «Ира».

Нигде кроме

Как в Моссельпроме²⁰.

Захватывали редкие советские фильмы, достигавшие Харбина, особенно «Комбриг Иванов», «Красные дьяволята»²¹. Обожили мы Дугласа Фербенкса за его феноменальную доброжелательную улыбку и умение прыгать через высокие препятствия, заборы для него были ничто. Отец обычно по непонятным для нас причинам режима экономии давал деньги Вите и мне только на один билет. Поэтому Витя пропускал меня в зал, а сам пробирался в темноте на свободное место.

Для себя я твердо решил последовать примеру старшего брата Виктора, уехавшего в Москву в 1923 году, и старшей сестры Нины, уехавшей в Москву в 1924 году. Я взял билет на Москву 25 августа 1925 года (после дня моего рождения — 15 августа) для того, чтобы в течение десяти суток в жестком вагоне поезда прямого сообщения дотарахтеть до Москвы.

Моя мать и сестра Лида оставались в Харбине. Мать — для заработка, сестра — для завершения высшего образования, чтобы потом двинуться по тому же маршруту, что и я. В 1931 году и они пересекли границу, вернувшись в Россию. Отца я больше уже не встретил — он умер в 1926 году в китайском городе Калгане²², где ему обещало покровительствовать советское консульство.

В Москве один приезжий из китайской командировки, наш старый знакомый, привёз написанное на больших листах подробное письмо отца, адресованное этому человеку, с описанием его сердечного заболевания, проникнутое безысходностью.

Думаю, что его отъезд объяснялся не тем, что там для него маячила хорошая работа, а тяжелым непреодолимым конфликтом с женой, моей матерью. Только через много лет, став взрослым, я многое по-новому оценил в отношениях отца и матери. Это была непримиримая вражда друг к другу, не знавшая компромиссов.

В Москве я познакомился с братом отца Моисеем Ильичом Вайсфельдом, ученым, профессором, автором философских трудов. Один из них — «Стремление и чувство» (СПБ., 1914)²³ — интереснейший анализ, охватывающие вопросы взаимодействия, сознания и подсознания человека.

После войны Моисей Ильич поступил на работу в психлечебницу для изучения творчества душевнобольных. Он мне показывал рисунки и стихи своих подопечных. Как его работа вписывалась в жесткие рамки непоколебимого штатного расписания, до сих мне неясно, но (берусь утверждать, что) авторитет его среди медперсонала был очень велик.

На меня он оказал большое влияние кругом своих научных интересов и увлечений, а также сердечностью человека, в чем-то заменившего мне отца. Забавляла его терминология, которой он, далекий от реальности²⁴, пользовался. Когда я, уже в военной форме, не имел возможности к нему забегать, он так объяснял это Нине: «Наверное, его задержали в казармах НКВД».

Дружба с Моисеем Ильичом, наверное, как-то сказывалась на моем общении с мастерами кино на «Мосфильме» или с учениками во ВГИКе.

Возвращаюсь к 25 августа 1925 года. Я, шестнадцатилетний, уезжал, полный светлых надежд. Прежде всего: я — сам, я — самостоятельный, мне дано решать свою судьбу. Раньше всего я хотел стать рабочим, мне это рисовалось такой живописной картинкой: я иду по обочине шумной улицы, в руках у меня длинная водопроводная труба, метра в четыре, держу ее на весу, лицо и руки непременно измазаны каким-то мазутом, а рядом, по тротуару идут все эти несчастные, которым не далась карьера рабочего. А потом я поступил бы в Университет — и не потому, что для поступающих из интеллигентной среды нужен был рабочий стаж, а потому что таковы были мои, так сказать, убеждения.

И все же не это было главным, каким бы оно притягательным не казалось. А главным было то, что я из буржуазного общества попадаю в мир обновленной России, в мир справедливости и лучших надежд человечества. Не случайно в мою куртку был зашит небольшой кусок белой шелковой материи, выданной мне отделом молодежи правления КВЖД. В нем сообщалось, что я являюсь кандидатом в члены ВЛКСМ (в то время поступающие в комсомол из среды интеллигенции проходили кандидатский стаж). Таким образом, из комсомола, находившегося на полуполюгальном положении, я прикреплюсь к организации открытой, чем я мог по праву гордиться. Таков был мой бросок в Будущее!

И вот я — в плацкартном вагоне. Один на один с неизвестностью. Медленно продвигаюсь в поисках своего места согласно билету. Я его быстро нашел и бросил на него свой саквояжик. Подошел к окну, чтобы взглянуть на перрон, и вдруг в вагоне рядом вижу знакомое лицо: это девочка из параллельного девятого класса, которую родители одарили именем Василиса, казавшемся нам странным. Намучилась она с этим именем. Мы глупо поддразнивали ее: «Ты — Василиса или, может быть, просто Васька?» и т. д. и т. п. в этом ключе.

Теперь я понимаю, что она была очень женственна, движения — порывистые, выражение глаз быстро менялось: то совсем детское, то бесовское, то вопрошающее, то удивленное... Ну и Василиса!

Первое, что мы сделали (каков пассаж!) — бросились друг другу в объятия и тут же в испуге отпрянули.

Я спросил, одна ли она. Оказалось, что в следующем отсеке занимают два нижних места ее родители. А она — со мной в отсеке, тоже на верхней полке. Пассажиры наблюдали за нами, счастливыми, весельчаками и балагурами.

Потом мы хохотали в тамбуре. Я ее чмокнул в щечку, она ответила тем же. Мне так понравилось это занятие, что, покидая поезд, я уже на глазах ее родителей поцеловал ее по-настоящему. Она не препятствовала. Но, увы, больше я Василису не

встречал, так уж получилось.

Прощаясь с Харбином, я запомнил один из характерных моментов — предсказания белогвардейских нижних чинов. Несколько человек их проживали в полуподвальном этаже Типичного харбинского небоскреба в пять этажей. Сидя на скамейке, они переговаривались, пощелкивая семечки, как это обычно делают бабуся во все века. Узнав, что я уезжаю в СССР, они предрекали нашему брату мрачное будущее: все попадете в лагерь, да не в пионерские. В этих скептических, жестких пророчествах они находили какой-то выход своим закомплексованным душам. Я отвечал им смехом и ядовитыми уколами.

Действительность оказалась и мягче, и гораздо трагичнее того, что я услышал в час расставанья с милым моему сердцу Харбином. Мягче, т.к. я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из уезжавших в двадцатые годы подвергался репрессиям только за то, что они приехали из заграничного, пусть и русского, следующего во многом советским установлениям, города. В Москве я встречался с моими сверстниками харбинцами, тоже покинувшими родные места в двадцатые годы — с Борисом Драновым, Милей Виленской, Колей Деснером, с заведующим клубом трудящихся Михаилом Дашковым — [они были] в целости и сохранности.

Но будущее было страшнее и изобретательнее самых страшных предсказаний. Те, кто приезжали после 1931 года, попадали на Калыму по невесть какому обвинению, а по сути из-за того, что прибыли из-за границы. Получали какие-то сроки, и очень многие погибали от холода, голода и неслыханного унижения человеческого достоинства

В декабре 1997 года в Москве состоялось собрание долгожителей харбинцев, чудом оставшихся живыми после калымского ада. Мне эти фамилии были незнакомы. Пожалуй, за исключением скрипача международного класса Дзыгаря²⁵, постаревшего и хилого, лишенного в лагере своей высшей драгоценности — скрипки.

Глобальный размер репрессии приняли после Второй мировой войны, когда наши войска победоносно вступили в Манчжурию, вступили в Харбин. Все, что не было арестовано из числа белой эмиграции, арестовывалось, попадало за решетку.

Моя мама и Лида, и ее муж Леня уехали в Москву в 1931 году и должны были попасть под колесницу.

Маму пощадили, по-видимому, по возрасту, и она до своей естественной смерти прожила в Москве, большей частью работая по специальности — врачом. Леня поступил работать в МОГЭС²⁶. Оттуда он был взят и погиб. Вслед за ним Лида была арестована как «жена врага народа», отбыла срок от звонка до звонка и затем была выслана в Джамбул, уже обессиленная от лагерной жизни. Здесь она неожиданно была «комиссована», что означало: репрессированная настолько больна, что жизнь ее оставалась на очень короткое время. Ее отпустили.

Мы с Витей встречали ее на Казанском вокзале. По опустевшему перрону к нам медленно приближалось родное лицо в рубище, только отдаленно напомилавшее прежнюю, бесконечно близкую Лиду. Ни слезинки на ее лице, на наших лицах. Все трое припали друг к другу и так молча стояли, как нам казалось, долго.

Мы отвезли Лиду на Суворовскую улицу, что близ Преображенской площади, в комнату, полученную мною как члену рабочего жилищно-строительного кооператива, где уже жила мама. Через некоторое время соседка по коммуналке, жена кочегара, донесла в милицию о том, что в квартире № 93 проживает репрессированная. На всякий случай репрессированную выслали в небольшой городок в Ивановской области. Там она стала работать библиотекарем и питалась посылками из Москвы. Вскоре Лида вернулась в Москву с твердым намерением эмигрировать: все время ей мерещился звонок в дверь, человек в коверкотовом пальто с вооруженным солдатом, и избавиться от этого кошмара она была не в силах. После «комиссования» сестра прожила за границей в семье дочери, в ее заботах и любви.

Так встретила своих искренних и восторженных подданных страна социальной справедливости, удивительного и счастливого будущего, страна нового мира.

Как я и намечал, я начал свою жизнь рабочим в частной мастерской, производившей алюминиевые ложки, чайные и столовые, и мыльницы. Одна моя ученица, одаренная чувством юмора, в мои, полной зрелости, годы предложила организовать бизнес — снова производство ложек. И добавила:

— У нас и за границей появятся ваши фотографии с надписью: «Профессор возвращается к профессии своей юности».

Вместо этого, как видите, пишу книгу.

1997 год

Примечания

1. Город был не арендован, а основан русскими (см. предисловие к публикации).

2. «Трибуна» была учреждена Союзом рабочих КВЖД 16 августа 1922 г. в Харбине.

3. Семёновцы — члены войска Г. М. Семёнова (1890–1946) — атамана Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. В 1918 он сформировал Особый Маньчжурский отряд и начал боевые действия против Красных в Забайкалье. В сентябре 1921 войска Семёнова оставили Забайкалье. Большая часть семёновцев осела в Харбине и в Шанхае.

4. Очевидно, Витя учился в железнодорожной гимназии. С 1903 по 1918 управляющим Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД) Харбина был Дмитрий Леонидович Хорват (1858/59–1937) — генерал-лейтенант, инженер-путеец. Полосу отчуждения КВЖД называли в Харбине «Счастливой Хорватией».

5. Ваньян Андрей Львович (1901–1938) — в 1935–1936 — начальник томской железной дороги. Приведем фрагмент об аресте Ваньяна из публикации на сайте красноярского общества «Мемориал» — URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1997Papkov/05.htm>:

«В марте 1936 года начальник Томской дороги И. Н. Миронов был снят со своего поста и арестован. Его заменил политработник А. Л. Ваньян, делом которого стала организация яростного уничтожения «вредителей». Ваньян и его заместитель по политчасти Ф. Ф. Степанов перетряхнули все службы и отделения дороги. Только за четыре месяца 1936 года они «вычистили» из своего управления 141 человека, включая 50 «троцкистов». Когда Ваньян приезжал в Москву, в наркомат путей сообщения, Каганович его спрашивал: “Скажите, сколько еще японских шпионов вы открыли?”»

Через несколько месяцев Ваньян и Степанов тоже были арестованы, а затем расстреляны» (С. А. Папков. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941).

6. Не совсем точная цитата из сохранившегося отрывка «Братья разбойники» А. С. Пушкина (из поэмы о разбойниках (1821–1822), уничтоженной поэтом). «Какая смесь одежд и лиц, Племян, наречий, состояний!»
7. Фильм «Интердевочка» о гостиничной проститутке, мечтающей выйти замуж за иностранца, вышел на экраны в 1989 году и стал лидером проката (2-е место, 41,3 млн. зрителей).
8. Речь о повести Юрия Николаевича Либединского (1898–1959) «Рождение героя» (1930).
9. Дуглас Фэрбенкс (Дуглас Элтон Томас Ульман) (1883–1939) — американский актер, звезда немого кино. Его амплуа — искатель приключений, преодолевающий любые преграды.
10. Фамилия имеет сербское происхождение.
11. Юбилей ВГИКа (75 лет) отмечался в 1994-м году.
12. Комментарий Ларисы Ильиничны к рассказу отца:
«В 1943 году мы с мамой и сестрой Наташей (мне 10 лет, сестре 6) вернулись из эвакуации (в Алма-Ата) в Москву, то оказалось, что наши две комнаты в квартире на Потылихе были заняты. Несколько месяцев мы жили у Драновых. Как раз перед приездом у них погиб сынок Боря (кажется, пяти лет): попал под трамвай. Квартира была на Тверском бульваре. Нас не пускали на улицу. Чтобы попасть в сквер или домой надо было пересечь трамвайную линию. Весь день мы проводили в комнате. Там за шкафом мы обнаружили мешок с сухофруктами, которые конечно слопали. Жена Бориса Дранова — Роза была актрисой еврейского театра. После разгрома еврейского театра она осталась без работы. Позже у них родился сын Саша, с которым уже довольно взрослым, после смерти мужа Бориса Роза эмигрировала, то ли в Бирму, то ли Австралию. У Бориса Дранова было такое же заболевание, как у Павла Корчагина, он мог ходить только согнувшись, спина не гнулась. Мне запомнилось, что у обоих были огромные глаза, что говорит о голодном существовании. Оба Драновых относились к нам детям по-доброму. О Борисе Дранове могу добавить одну деталь. Во времена Хрущёва они получили новую квартиру в «хрущевке». Это было верх счастья, но дом был отстроен с большими огрехами. Дранов (тогда уже он был инвалидом) написал Хрущёву жалобу. Подействовало. Ему выправили всё в лучшем виде».
13. Вот что пишет о докторе Синицине Николай Рудковский в статье «Время и мы»:
«Жертвой эпидемии среди русского медико-санитарного персонала стал заведующий городским санитарным летучим отрядом доктор А. В. Синицын, погибший 21 марта 1921 г. в возрасте 33 лет, смерть которого не оставила равнодушными ни русское население города, ни китайские власти. Общество врачей Харбина для увековечивания памяти А. В. Синицына учредило стипендию его имени, его именем была названа молочная кухня «Капля молока» при Рабочем Красном Кресте. Президент Китайской республики передал харбинскому самоуправлению доску в память доктора Синицына, которую городской совет Харбина вывесил в городской больнице» («Медицинская газета», № 70 от 17 сентября 2008 года)
14. Николай Васильевич Устрялов (1890–1937) — правовед, философ, политический деятель, национал-большевик (сменовеховец). Эмигрировал из России после поражения Колчака в январе 1920 года. В 1920–1934 годах преподавал в Харбинском университете. Одновременно работал в советских учреждениях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД): в 1925–1928 годах — начальник учебного отдела, в 1928–1934 годах — директор центральной библиотеки. В 1920–1934 годах был редактором газеты «Новости дня», сотрудничал в газете «Вестник Манчжурии», а в 1920–1924 годах издавал вместе с Г. Диким альманах «Русская жизнь». Одновременно печатался в московской газете «Россия». 2 июня 1935 года, вскоре после продажи КВЖД Маньчжурии, Устрялов вернулся с семьей в СССР. Работал профессором экономической географии Московского института инженеров транспорта, читал доклады, готовил программу государственного права для Юридического Института, сотрудничал в центральной печати. 6 июня 1937 года был арестован, 14 сентября 1937 года осужден и в тот же день расстрелян.
15. Актер театра и кино, режиссер Зубов Константин Александрович (1888–1956) работал в Первом Дальневосточном военно-революционном театре в 1921–1924 годах.
16. Точная цитата из песни Вертинского «В синем и далеком океане» (1927):
В синем и далёком океане,
...Где-то возле Огненной Земли,
Плавают в сиреновом тумане
Мёртвые седые корабли.
Их ведут слепые капитаны,
Где-то затонувшие давно.
Утром их немые караваны
Тихо опускаются на дно...
17. Александр Николаевич Вертинский (1889–1957) приехал из Америки на Дальний Восток в 1935 году, обосновался в Шанхае и посетил Харбин.
18. Вайсфельд приводит измененный вариант куплета песни Вертинского «Испано-Сюиза» (1928). Текст Вертинского обращен к «царице экрана и моды», именно ей известны «точные рецепты» кинопроизводства героев:
...Измельчал современный мужчина,
Стал таким заурядным и пресным,
А герой фабрикуется в кино,
И рецепты Вам точно известны!..
Текст Вайсфельда обращен к студентам, которым рецепты «фабрикования» киногороев тоже открыты.
19. Речь идет о национальном комитете «Свободная Германия» (Nationalkomitee Freies Deutschland, или NKFD). Он был создан 12–13 июля 1943 г. в присутствии советских представителей немецкими эмигрантами и военнопленными в Красногорске под Москвой. Целью национального комитета было прекращение войны и свержение нацистского режима.
20. Речь идет о надписи В. Маяковского к рекламному плакату (худ. А. Родченко): «Нами оставляются от старого мира только папиросы ИРА. Нигде кроме как в МОССЕЛЬПРОМЕ» (1923).

21. «Комбриг Иванов» (1923, реж. А. Разумный, Пролеткино) — антирелигиозный фильм о том, как комбриг Иванов женится на поповской дочке; «Красные дьяволята» (1923, озвуч. 1943, реж. И. Перестиани, Киносекция Наркомпроса Грузии) — приключенческий фильм о трех юных разведчиках.
22. Город Калган сейчас называется Чжанцзякоу.
23. Книга М. И. Вайсфельда «Стремления и чувство: Психологическое исследование» вышла в издательстве «Образование».
24. Жизнь М. И. Вайсфельда была не всегда далека от политической реальности. Из биографической справки: «С 29 апреля по 18 июля 1900 г. находился под стражей в Одессе, а затем под особым надзором полиции по социал-демократическому делу. Обвинялся в принадлежности к организации и постоянном посещении собраний в квартире Басшейвы и Суры Горовиц. По высочайшему повелению 24 января 1901 г. определено, вменив в наказание предварительный арест, отдать его под гласный надзор полиции на 1 год в избранном месте жительства в черте еврейской оседлости. Подчинен надзору полиции в Бердичеве. По окончании срока воспрещено жительство в столицах и Петербургской губ. Уехал в марте 1902 г. за границу. К 1907 г. окончил историко-филологическое отделение философского факультета Бернского университета со званием доктора философии. В конце того же года получил разрешение на проживание в Петербурге для сдачи испытаний на звание магистра философии при Петербургском университете.»
25. Александр Артамонович Дзыгарь (р. 1918 —?)
26. МОГЭС — Московская государственная электрическая станция № 1. Основана в 1897 как Центральная электрическая станция «Общества электрического освещения 1886».

Письма И. Вайсфельда жене

1942–1945

(пунктуация и орфография оригинала сохранены)

1

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 1

09.11.42

Моя дорогая Мика! 6 ноября с утра я получил твою телеграмму — с этого начинается праздник. Вечером подниму бокал вместе с Ф. Левиным¹ и С. Раскиным² в нашей комнате я думал о тебе. Но то, что раньше существовало как общение письмами, телеграммами, — теперь, мне кажется, должно быть забыто: за 2 недели здесь я получил одно твое письмо. Что же, надо к этому привыкать — ведь из-за этого не меркнут чувства и не рвутся отношения.

7-го вечером я проводил влюбленную пару — Фишей³. Они уехали на 11½ [поезде] с делегацией в К[раснодар]ский край. А завтра уезжаю я на 2–3 недели, чтобы проводить настоящую корреспондентскую работу. Сколько раз я смогу тебе написать с тех мест, где я буду, и смогу ли отправлять часто почту — не знаю. Если письма за это время будут приходиться редко — не удивляйся.

Повторяю тебе снова, что работа моя интересная и отношение хорошее; жаль, что я раньше сюда не приехал. Огорчает меня только то, что до сих пор не все еще окончательно оформлено, поэтому не могу послать тебе аттестата, да и сам денег не получал (не известно, из какой ставки исходить при расчете). Остальное — питание, жилище — имею. Конечно, это все утрясется, самое позднее к моему возвращению из этой поездки. Телеграммы о твоём приезде давал обдумав и взвесив. Действительно, как только я окончательно оформлюсь, могла бы и ты приехать. Но твоего ответа все нет. Об А-Ата я вспоминаю часто, она как в дымке. Вчера сел и написал еще одну статью об А-Ате для Совинформбюро, вышло неплохо, но чересчур вдохновенно. В наши дни надо <неразб.> [жить] не в такой красивой провинции, а именно тут.

С наступлением зимы здесь появляется своя поэзия. Здесь нет Алатау. Но окраска неба, его отражение в бурно и вольно текущей в море реки — удивительно многообразно, многотонально.

...Прочитал хороший роман Фиша «Контрудар»⁴, написал заключение, отправил Каплеру⁵. С этого начал свою кино-работу. Пиши мне подробно о сценариях, что где снимается, как материал — это мне необходимо.

Линуша, получила ли ты у Потапова мои деньги по договору с Каплером (я посылал тебе мою доверенность)? Мой гонорар из Госкиноиздата? Книгу Багрицкого⁶? Посылки с нарочными (Алейниковым⁷, Морозовским) из Москвы? Какое впечатление произвели телеграммы Павлова и мои и что пишут братья писатели? Будет ли писать Джамбул? Как мои крошки? Что с Лялей, что с Наташей? Ты худеешь?

Целую тебя, моя дорогая. И крох. Кланяйся Марецкой⁸, Марине, Катрин, больной Маше, Абдильде⁹. До свидания. Твой И. Мой адрес: 1475 полевая почта, часть 015.

Примечания

1. Федор Маркович Левин (1901–1972) — литературовед и критик. В 1942-м году он был арестован на Карельском фронте за «пораженчество». По свидетельству Б. М. Руни он говорил в кругу сотрудников фронтовой газеты, что «мы не научились даже отступать, а не только наступать» (Руни Б. М. Мое окружение. Записки случайно уцелевшего. М: Возвращение, 1995. С. 176).

2. Александр Борисович Раскин (1914–1971) — поэт, прозаик. Муж писательницы Фриды Вигдоровой.

3. Геннадий Семенович Фиш (1903–1971) — писатель, переводчик, сценарист. Татьяна Аркадьевна Смолянская (1911–2003) — редактор, журналист, жена Геннадия Семеновича Фиша; во время войны работала корреспондентом «Комсомольской правды» на Карельском фронте.

4. Повесть Г. Фиша «Контрудар» была опубликована в журнале «Знамя» в 1942 году (№ 12).

5. Алексей Яковлевич Каплер (1904–1979) — драматург, сценарист.

6. Эдуард Григорьевич Багрицкий (наст. фамилия Дзюбин) (1895–1934) — поэт.

7. Петр Мартынович Алейников (1914–1965) — актер.

8. Вера Петровна Марецкая (1906–1978) — актриса.

9. Абдильда Тажибаевич Тажибаев (1909–1998) — поэт, драматург. По свидетельству Л. И. Вайсфельд: «На квартире у Абдильды Тажибаева мы жили в Алма-Ата. Абдильда приютил нашу семью — мою маму с двумя малолетними детьми, позже горбатенькую бабушку Эсфирь Борисовну (Эстер Боруховну) — мать отца, выделил нам комнату с кое-какой мебелью. В квартире проживала его семья (дочь, сын и какие-то старики непостоянно) и русская женщина Тамара в качестве прислуги. Мне теперь кажется, она была из семьи раскулаченных. Абдильда и его красавица жена Сара относились к нам как к близким друзьям. Нас, девочек, подкармливали».

2

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 2

06.03.43

Линуша, здравствуй! Я уже писал тебе о своей беседе с Большаковым¹. На всякий случай повторяю вкратце. Товарищ был чрезвычайно радушен, говорил, что мое перемещение было вызвано требованием, предъявленным К[омите]ту на высококвалифицированных специалистов для кр[асно]арм[ейской] печати, и что оно было бы отменено, если мне не было бы (опять «бы!») найдено должного применения на новом поприще. Просил меня поддерживать тесную связь с кино, поддержал инициативу ЦОКС², поручившей мне работу с писателями-фронтовиками. В предыдущем письме я тебе это описал все подробнейшим образом.

Сегодня был в нашей квартире. Библиотека и рукописи в основном целы — находятся в соседней комнате. Цел шкаф с книгами,

полки очищены от книг — одни, а другие пошли на топку. Книги с полок свалены у Никулина³ — большая их часть опять-таки в сохранности. Костюма моего нет, равно как и всех остальных вещей из шкафа. Есть посуда, алюм[иниевая] кастрюля, настольная лампа, зеленый шарф, галоши мои, старая детская обувь, скатерть, клеенка, еще что-то — не успел разобрать. Послезавтра отберу все нужные вещи, упакую их в ящик, надпишу адрес. С Гуревичем уже договорено, что с первым же вагоном (кажется, с трансформаторами) этот ящик будет отправлен в А[лма]-Ата. Остальные вещи останутся в комнате Никулина (она запирается). Кстати, все его картины целы, а трубы не лопнули. Если отвлечься от этих успокаивающих моментов, должен сказать тебе, что передо мною открылось не веселое зрелище. В наших комнатах жили какие-то люди. На столах, как в плохом кино, — пустые винные бутылки, консервные банки, разбросаны какие-то безделушки, стекла выбиты, замка на входной двери нет (дверь забита была гвоздями), унитаз из уборной куда-то утащен, забора вокруг дома нет, березовая роща сильно поредела. Но в общем все это ерунда — восстановить можно будет, но пока в квартире жить не очень приятно. Я остановился у Леонидовых⁴ в их чудесной квартире, а иногда ночью на старой Каплеровской квартире — там Шура, а Люся ночует в «Москве»⁵.

На фабрике — из кинематографических успехов — работает монтажная, просмотровой, восстановлен звукоцех. Павильоны заняты общепромышленными работами. Сегодня я получил заказы в «Лит[ературе] и искусстве»⁶, Совинформбюро⁷, «Огоньке»⁸. Будь я здесь постоянно — работы было бы непочатый край. Думаю, и ты нашла бы себе применение. Но пока, к сожалению, введены большие строгости с въездом, да и не время еще приезжать.

Что касается меня, то я сейчас здесь нахожусь на учете в Главпура⁹ (это и служит разрешением на пребывание в Москве). В случае необходимости я могу быть вызван сюда Пуром.

Весь стиль московской жизни не похож на А[лма]-Ата. Нет трепотни, развинченности, оправданий плохой работы сводками не бывает. Питание? Рынок не играет такой роли, как в А[лма]-Ата, столовая (где не питают иждивенцев) лучше.

Линуша, обо мне не беспокойся. Очень меня тревожит твой быт. Иждивенческих карточек, наверное, нет. Натка обедает в детсаду. А Лялюха? Кто приносит обеды? Что с топливом? М. б. хоть немного будут топить, чтобы трубы не лопнули? Что с овощами[?] Напиши обо всем.

Особо сообщи о делах: переведены ли деньги Берестинскому, Леонидову, Еремину, Луговскому, Макарову, Сливкину¹⁰ и остальным товарищам, если это не сделано и опять поставлен в идиотское положение из-за дикого (неразборчиво — клейрессиума?) нашей бухгалтерии. Пусть С. М. дожмет им.

Ну, иду спать. Леонидовы уже уснули. Завтра в столовке съем два завтрака.

Мика моя, не теряй присутствие духа.

Обнимаю тебя, моя дорогая.

Целуй крох. Твой путешествующий И.

Конверт: Алма-Ата Ул. Шевченко д. 44 корпус 5 кв. 45

Обратный адрес: Москва ул. (оборвано) кв. 31

Примечания

1. Иван Григорьевич Большаков (1902–1980) — государственный деятель; с 4.6.1939 — председатель Комитета по кинематографии при СНК СССР.

2. ЦОКС — Центральная объединенная киностудия. Создана в 1941 году в Алма-Ате на базе Алма-атинской студии художественных фильмов и эвакуированных киностудий «Мосфильм» и «Ленфильм»; в 1944 году реорганизована.

3. Видимо, речь о писателе Льве Вениаминовиче Никулине (1891–1967); в начале Великой Отечественной войны он эвакуировался с семьей из Москвы в Челябинск.

4. Речь о сценаристе и писателе Олеге Леонидовиче Леонидове (1893–1951).

5. Люсей называли Алексея Яковлевича Каплера; по всей видимости, он ночевал в гостинице «Москва».

6. В 1942 году «Литературная газета» слилась с газетой «Советское искусство» и до 1944 года выходила под названием «Литература и искусство».

7. Софинформбюро — Советское информационное бюро: создано 24 июня 1941 года; в его задачу входило составление и публикация сводок с фронта для советской печати, информирование зарубежной общественности о происходящем в стране. К работе в Совинформбюро привлекались лучшие писатели, журналисты, переводчики.

8. «Огонек» — еженедельный иллюстрированный журнал. Выходил с перерывами с 1879 года. Выпуск возобновлен с 1923 по инициативе М. Кольцова.

9. ГлавПур КА — Главное политическое управление Красной Армии.

10. Михаил Исаакович Берестинский (1905–1968) — сценарист; Дмитрий Иванович Еремин (1904–1993) — писатель; Владимир Александрович Луговской (1901–1957) — поэт; Александр Антонович Макаров (1898–?) — писатель; Сливкин — персоналия не атрибутирована.

3

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 3

19.07.43

Линуша, вчера получил твое письмо, написанное 9-го и отправленное 20-го. Очень он меня обрадовало и немного смягчило негодование. Я многожды давал слово смириться с твоим невниманием и не ворчать по поводу отсутствия писем и телеграмм, но не удается. Вот и теперь: 25-го по телефону ты сообщила мне, что Ляля нездорова и узнала, что через два дня я выезжаю. Ну, что стоило б на другой день дать мне телеграмму любого содержания, чтобы человек по приезде сразу имел какую-то весточку. Первое, что я сделал, это бросился на телеграф и с тех пор вот уже 5 дней я ежедневно отмахиваю свои шесть километров до телеграфа и обратно — и ничего. Даже из Ташкента за это время пришел ответ на запрос о деньгах от постороннего человека, а от тебя — ни-ни. Конечно, я предполагаю худшее: у Ляли не ветрянка, а тиф, ты в больнице и т. п.

в этом духе. Но и в этом случае я попросил бы кого-нибудь отправить телеграмму. Все это непостижимо и обидно и тревожит до крайности. Еще бы я понимал отсутствие писем от меня в течение известного времени: я могу уехать в часть, откуда нельзя будет с тобой сноситься. Но А[лма]-Ата — не действующая Армия.

Ты пишешь — в сцен[арном] отделе холодно, как у тебя в Беломорске. Как только я приехал сюда, я забыл, что такое холод в помещении — (вот в Москве я мерз у Леонидовых — это да!). Наоплено так, что дышать трудно. Сегодня 16° тепла в комнате, сижу в сапогах, не снимая, — это читается холодно, мой сосед пошел за уборщицей — пусть наопит. Первые три дня была слякоть вперемежку с вьюгой. Вчера установилась мягкая зимняя погода и море спокойное. Живу я здесь, как на Потылихе: рядом с работой, но в отдалении от города. Если тебе удастся сюда приехать, будем жить в городе (а ты — и работать там). Фиши тоже живут в городе, хотя он работает у нас. Мне с ними очень приятно — вижусь каждый день. Вчера у них познакомился с вполне реальным «товарищем К» — партизанкой с двумя орденами, вернувшейся из вражеского тыла. Это девятнадцатилетняя девушка, цветущая, румяная, хохотушка, очень напоминает нашу Нюру (только умнее и фигурой — рослая). Ушла в партизаны с мед. курсов. Когда в их класс принесли анатомические карты женских половых органов, то все девочки смущенно отвернулись и наотрез отказались заниматься. Понадобились специальные разъяснения комсорга о том, что в этом ничего зазорного и стыдного нет. Вот такие девчата пошли в партизаны и совершали подвиги, о которых слава гремит. Я буду писать не о торговом флоте, а о другом. Один работник редакции предложил мне вместе с ним писать сценарий о командире части, которая приняла в начале войны удар немцев, отбросила их и до сих пор стоит на нашей старой государственной границе. Эпизоды жизни этого человека очень интересны и сценарны. Через недельку я выеду на место, чтобы познакомиться с материалами. Очевидно, напишу сначала либретто, и во всяком случае — очерки. Завтра прочитаю роман Фиша «Контрудар», но и то, что он рассказывает — великолепный сценарий, многие эпизоды которого по силе равны подвигам Зои Космодемьянской, а по кинематографической выразительности — «Летчику-испытателю»¹. У Смоленской — кладезь наблюдений о девушках-партизанках; можно сделать вещь, которая перекроет «Фронтовые подруги»². Что-то есть сценарное у Коваленкова³. Хочу побывать в Полярном, там, говорят, живет интересный ленингр[адский] писатель Марьямов⁴. В Мурманске-то я буду обязательно. Здесь издается юмористический журнал «Сквозняк»⁵, его редактор Левитин, ленинградец, — великолепно знал Льва Наумовича (как, впрочем, и Фиш), работал с ним в «Красной Панораме»⁶. Вообще литературный круг здешний принял бы тебя хорошо. А печаталась бы ты просто непрерывно — и в газетах и даже брошюрами. Линочка, здесь неважно с толстыми журналами, газетой «Лит[ература] и иск[усство]»⁷ и, конечно, сценариями. Шли бандеролью, что можешь: любые новые сценарии (если, конечно, буду их тут печатать в отрывках или полностью); толстый журнал (они ведь у вас там пропадают, а здесь это клад), «Лит[ературу] и искусство», вырезки из газет о кино, театре и т. п. Кончаю.

Пиши мне, моя бедная заброшенная алма-атинка, не забывай меня. Крошек-ласточек поцелуй. Твой И.

Ляля учится?

Приписка на полях первой страницы:

Так и быть, кланяйся Тихонову, Траурбергу, Сиранову⁸.

Привет Сооре Ленг.

Пиши мне по адресу 1475 полевая почта⁹: часть 015

Приписка на полях шестой страницы:

Привет Абдильде и Саре¹⁰ (и Мире Абиевой). Кстати, тут немало казахов-героев, с которыми надеюсь встретиться.

Примечания

1. «Летчик-испытатель» (1938) — приключенческий фильм Виктора Флеминга.

2. «Фронтовые подруги» (реж. Виктор Эйсымонт, 1941).

3. Коваленков Александр Александрович (1911–1971) — поэт. Во время Великой Отечественной войны служил в редакции газеты Карельского фронта «В бой за Родину».

4. Эрза (Александр) Моисеевич Марьямов (1909–1971) — писатель, литературный критик, сценарист; во время войны работал в газете «Краснофлотец» и в Политуправлении Северного флота.

5. Сатирический журнал «Сквозняк» издавался Карельским фронтом.

6. «Красная панорама» — общественно-политический и литературно-художественный журнал; выходил в 1923–30 годах в издательстве «Красная газета».

7. В 1942 году «Литературная газета» слилась с газетой «Советское искусство» и до 1944 годы выходила под названием «Литература и искусство».

8. Михаил Васильевич Тихонов — организатор производства, директор ЦОКС, Траурберг Илья Захарович (1905–1948) — режиссер, Сиранов Кабыш (1914–1978) — критик.

9. Полевая почтовая станция 1475 — адрес редакции газеты «В бой за Родину», ежедневной красноармейской газеты Карельского фронта.

10. Сара — жена Абдильды Тажибаева.

4

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 4

25.07.43

Линуша, сижу за обыкновенным письменным столом в номере гостиницы «Арктика», пишу при заурядном электрическом освещении и даже сплю — после многих дней путешествия — в нормальной постели. Радио передает классическую музыку, по коридору ходят какие-то англичане разных жанров, в театре ставят «Русские люди»¹, раздается гудок огромного пассажирского парохода (кстати, на боте я тоже ездил), по вечерней улице спешит с кошелкой девочка Лялиного возраста — город живет полной и ритмичной жизнью, хоть здесь и можно только получить полную порцию моих прошлогодних

московских впечатлений. Сегодня заходил здесь в редакцию одной газеты посмотреть последние №№ «В бой за Родину», где уже напечатаны мои корреспонденции с передовых о последних операциях. Приеду в Беломорск — пришло вырезки (пока посылаю свою «гражданскую» корреспонденцию). Что тебе сказать, Линочка, о своей поездке? Впечатления огромные, на всю жизнь. Видел людей, каждый из которых заслуживает очерка, а то и книги, людей, для которых война, опасность, готовность к самопожертвованию — не порыв, который вспыхивает ярко, но и погаснуть может бесследно, а быт, жизнь, само собой разумеющееся, без чего нельзя себе представить существования. Нигде так остро не ощущаешь неизбежность нашей победы и неотвратимость надвигающейся на Гитлера крушения, как здесь, на фронте.

Кого я видел? Когда увижусь, расскажу подробно, пока только перечислю. Видел пулеметчика, которому в бою выбило один глаз, но он не захотел уходить и продолжал стрелять; тихоокеанского моряка, теперь снайпера, который сам убил на охоте 88 немцев, а его ученики — 600 немцев; полковника, который 4 года воевал на очень дальнем Востоке — настоящего профессионала-тактика, человека абсолютного бесстрашия; прославленного героя Заполярья — майора Смилыка², очень напоминающего по непосредственности и наивности не-то Котовского, не-то Боженко³ (он мне говорил: «Вот про меня даже стихи сложили» — и прочитал их вслух) — во время последнего налета его группа убила 100 немцев, а самопотерь не имела; санитарку Тосю Осипову, двадцатилетнюю девчонку из Порохова, человека поразительного бесстрашия и выносливости: в одном бою она вынесла 169 раненых (перед отправлением в разведывательный рейд в тыл полковник ей сказал, смеясь: «Смотри, Тося, сохрани мне комиссара». «Есть» — козырнула девушка. Вернулась через 3 дня, прошли 120 км, убили свыше 100 немцев, сутки ничего не ели, мокрые, без сил; «сохранила комиссара» — козырнула Тося. «Так разве ж это комиссар, это одни глаза» — смеется полковник, глядя на неумолимую, полную сил Осипову); командира Чапаева, разведчика-профессионала (в этой части три командира носят фамилии Чапаев, Суворов и Фурманов). Во всех этих людях нужно отметить настоящий профессионализм: командиры — так командиры, минометчики — так минометчики, саперы — так саперы и т. д. И еще умеют строить землянки и прокладывать дороги. А командиры имеют универсальные знания. Мне довелось день провести с майором по фамилии Папок — худощавый человек лет 30 с большой молодой бородой, который по утрам обтирается по пояс снегом (привычка, усвоенная в Моск[овском] Физкульт[урном] Ин[ституте]те и во время занятий по боксу — он чемпион по боксу), так он сам — лучший минометчик, лучший сапер, лучший стрелок и т. д. и к тому же самый храбрый человек в части. Особый разговор о немцах, которых мне довелось увидеть в качестве пленных. Скоро в газетах появится фотография этих «представителей высшей расы», одетых в летние френчи и являющиеся живой иллюстрацией обреченности гитлеровской армии.

Погода здесь пока не холодная еще (но армия одета в зимнем, конечно). Промерз я, в сущности, только один раз, когда мне пришлось побыть на воздухе непрерывно 12 часов, передвигаясь разными способами. Зато отогрелся в «Арктике». Ночевал я обычно в землянках, а там, безусловно, тепло. Как я тебе уже писал, консультантом по сценарию <неразб. слово> я сам мог теперь стать. Особенно точна в ней первая сцена (и именно в первой редакции). Теперь я знаю, с чем это кушают.

Все это время, Мика, меня не покидала ни днем, ни ночью мысль о вас и какая-то давящая тревога за неустроенность вашего быта, за здоровье. Холод и отсутствие света — неужели продолжают? К тому же я до сих пор не перевел тебе ни копейки — т. к. не получал. Зато получу сразу и сразу переведу. Целую тебя, моя бедная, дорогая моя Ph, и крох[ам] Ляле и Нате посылаю красивые марки. Еще целую.

Вот еще какой у меня проект. Нельзя ли сформировать из незанятых алма-атинских киноактеров концертную бригаду для поездки на Карельский фронт. Актеры получили бы невиданно благодарного зрителя и впечатления для своей работы, а бойцы — нужное зрелище. Кроме того, упрочились бы связи кинематографии с фронтом. Срок поездки (с переездами) — около 2-х месяцев. Посылать — не обязательно знаменитостей. Если бы в Алма-Ата приехала А. И.⁴, то ты могла бы поехать с такой бригадой.

Снова перечитал твое письмо от 26.X и отвечаю, на что еще не ответил.

Обо мне совершенно не беспокойся — ни в части обмундирования, ни — питания. Наш «<лауреатник?>» — абсолютная мелочь по сравнению с тем, что здесь есть.

В Совинформбюро пиши только и исключительно 2–2 ½ стр. — это обязательный лимит. Раздробляй темы: «Рисунки Эйзенштейна», «Черкасов — Грозный» и т. д., но не отступай от размера — об одном «Грозном» напиши 5 статей, но каждая 2–2½ стр. в беллетризованном жанре и основанности на строгой фактичности.

3) Как реагировали братья-писатели на телеграммы Павлова и мои? Будет ли писать Джамбул⁵? Это имело бы огромное политическое значение.

Приписка на полях шестой страницы:

Привет Абдильде и Саре.

Напиши подробно о сценариях Крепса, Макарова, Исаева⁶, работах Луговского и т. д. Как мама? Кланяйся ей.

Приписка на полях седьмой страницы:

Ты не смейся, Линуша, по поводу «многожанровости» моих проектов. Я хочу и я уверен, что ты и ребята выдержите эту зиму — потом все изменится. Держитесь, кроха!

Приписка на полях восьмой страницы:

Пишу, а сам думаю: послезавтра буду в Беломорске и узнаю что-нибудь худое о Лялюхе или Нате, или тебе.

Приписка на верхнем поле первой страницы:

Свою статью посылаю в другом конверте.

Примечания

1. Речь идет о постановке спектакля по пьесе К. М. Симонова «Русские люди» (1942) в Драматическом театре Северного флота города Полярный (во время войны в Полярном находилась главная база Северного флота).

2. М. И. Смилык — командир 1-го батальона 35 полка.

3. Григорий Иванович Котовский (1881–1925), Василий Назарович Боженко (1871–1919) — герои Гражданской войны.

4. Анна Ильинична Войтоловская (Венгерова) (1879–1953) — мать Лины Львовны. По свидетельству Л. И. Вайсфельд: «Она в это время жила в Вологде с двумя внуками — детьми Адды Львовны и Николая Игнатьевича Карпова.»

5. Джамбул Джабаев (1846–1945) — казахский поэт-акын.

6. Крепс Владимир Михайлович (1903–1984) — писатель, сценарист; Исаев Константин Федорович (1907–1977) — сценарист.

5

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 5

27.07.43

Линуша, дорогая, вчера получил твою телеграмму. Вчера же телеграфировал Большакову, а сегодня отправил письмо Фадееву¹ по поводу твоего прикрепления к столовой ССП. Откровенно говоря, я очень мало знаю о твоём бытовом положении. Не желая меня тревожить, ты на эти темы пишешь вскользь, между прочим и только в обнадеживающих тонах. Между, тем благодущие здесь ни к чему. Что бы ты ни писала, я знаю, что после ухода со студии, твоё бытовое положение должно было осложниться. Но если бы я знал конкретнее о нём, я мог бы при случае заодно поставить несколько существенных для твоего бытового устройства вопросов. Сажем, я не знаю, получаешь ли ты хлебную карточку, от кого, на сколько граммов. Затем, существуют ли сейчас иждивенческие карточки в столовую киноработников и ССП и стоит ли поэтому просить для девочек пропуска. Дают ли тебе пропуск в мой закр[ытый] распред[елитель]. Отпускаются ли в ССП продукты и дают ли тебе, и другие, казалось бы, мелочные вопросы, от которых зависит в значительной степени снабжение семьи. Зная ответы на все эти вопросы, я мог бы перед Большаковым и Фадеевым их поставить. Обращаться вторично по какому-то непредусмотренному пункту уже будет не так удобно. Поэтому прошу тебя, не стесняйся, пиши все как есть и с наибольшими подробностями. Что касается столовой спец. студии, то с ней, очевидно, ничего не получилось, потому что она тебе не по карману. Особенно, учитывая, что выполнить условия договора — три рассказа в месяц, 36 в год! — не так легко. Советую — переключись хотя бы частично на очерки, тогда ты сможешь выполнить норму радиокomiteта.

Попробуй обратиться к Брикеру — на профсоюзы теперь возложена теперь задача бытового обеспечения семей фронтовиков. Может быть он сможет чем-нибудь помочь.

Если в результате моих обращений все же ничего не получится, пиши мне и телеграфируй. Я буду настойчиво добиваться того, что тебе полагается. Наконец, сообщи мне, как идет дело с заработками. Сидеть в А-Ата во что бы то ни стало не следует, коль скоро допустим в Москве ты сможешь обеспечить себе постоянный заработок. и те же пропуска, что и в А-Ата. Ф. Левин мне говорил, что так как его семье нельзя было остаться дольше в Чистополе, он добился ее вызова в Москву. Посмотри на вещи трезво и напиши мне об этом (кстати, сообщи, сколько ты денег получила фактически, начиная с 1 января). У меня все по-прежнему. Обнимаю тебя, дорогой мой глава семьи, и целую нежно. Расцелуй ребятков. Твой И.

Примечания

1. Александр Александрович Фадеев (1901–1956) — писатель; в 1939–1944 секретарь СП СССР.

6

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 6

29.07.43

Линуша, получил сегодня твоё письмо от 27–28 марта. В случае задержки с письмами не тревожься, это значит, что они скапливаются и придут сразу. Так бывает и с твоими.

Между прочим, о своей несостоявшейся поездке в Ленинград я писал тебе дважды. Неужели не получила этих писем.

Только что получил письмо от Олега Леонидовича, о либретто он пишет:

«Читал Ваше и Г. Фиша либретто (заявку) о партизанах. Пока там удалась Катюша (это главный герой). А событий слишком много. Надо разгрузить и постараться дотянуть и остальных персонажей до Кати. Вы умные и умеете. Извольте сделать и прислать вторую вариацию. Думаю, что это может быть реальным. Жду от Вас описания вашей культурной деятельности и статейки для Информбюро (на Англию и США) о женщинах Вашей части фронта и т. д.»

Сегодня я выеду к Фишу (он позавчера вернулся из Москвы), узнаю подробности и примусь снова за либретто.

Сюда я случайно захватил свою книжицу о Коз[инцеве] и Тр[ауберге]¹. Вчера имел по поводу ее беседу со своим начальником. Он считает, что она написана хорошим языком и просил дать еще что-нибудь прочитать из моих книг. Собираюсь привезти сюда альбом «XX лет сов[етскому] кино»², который я оставил у Фиша, — больше ничего моего здесь у меня нет.

С сегодняшней же почтой получил очень теплое письмо от Анны Николаевны, которая ко мне относится действительно как к сыну: расспрашивает о тебе и детях. Жаль только старуху, она болеет, расклеилась.

Линочка, ты не отвечаешь на несколько моих вопросов: получил ли Волчек³ мое письмо (он тебе скажет о нём) и что он говорит по поводу него; сколько ты реально зарабатываешь и заработала со времени ухода со студии; получила ли ты мои 150 рублей почтовым переводом; какие есть реальные возможности устроить детей в <школу>; можешь ли ты кому-нибудь поручить получение чемоданчика с вещами, который я оставил у Леонидова для передачи тебе; как учится Лялюха; продолжает ли Союз снабжать тебя через распред[елитель]?

Вот видишь — целая куча вопросов, изволь отвечать.

Ты просишь меня описать мой внешний вид. Это легче сделать кому-нибудь со стороны. Борька⁴ назвал меня, посмотрев карточку (которую я и тебе послал), «томным гвардейцем». Хожу уже в шинели, новой, серо-защитного цвета, в зимней шапке и прочих атрибутах. Предпочитаю, чтобы ты сама посмотрела на меня и убедилась, какая «отвага безмерная хорохорится» в глазах, как говорил Лесков⁵.

Поздравляю тебя с электрическим светом, горячим чаем, теплой погодой и экстравагантным пальто. Что касается мокрых алма-атинских дней, то теперь им приходит конец: весна в А[лма]-Ата все-таки устойчивая, ясная.

Кланяйся Марише, Тане Шнейдер (ушла она от М. Я. в конце концов?), Шостакам и всем друзьям.

Целую тебя крепко, моя Ph

И

Лялюха, напиши, как ты учишься?

Очень советую читать Джека Лондона — мама тебе достанет. Целуй Натика.

Обнимаю вас обеих. Папа

Примечания

1. Имеется в виду книга «Г. Козинцев и Л. Трауберг. Творческий путь». М., 1940.

2. Речь идет об издании: Советское киноискусство. 1919–1939: Альбом фильмов, составители П. Аташева, Ш. Ахушков; под общей редакцией М. Ромма, Л. Трауберга; пояснительные тексты И. Вайсфельда, Л. Войтоловской. — М.: Госкиноиздат, 1940.

3. Борис Израилевич Волчек (1905–1974) — оператор, режиссер.

4. Видимо, речь идет о Борисе Дранове, друге И. Вайсфельда с детских лет. О его трагической судьбе см. в воспоминаниях Вайсфельда «Мой Харбин».

5. Цитата из «Тупейного художника» Н. С. Лескова: «Штатским господам, по словам няни, легче было, потому что на них внимательного призрения не обращали — от них только требовался вид помирнее, а от военных больше требовалось — чтобы перед старшим воображалась смиренность, а на всех прочих отвага безмерная хорохорилась.»

7

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 7

02.08.43

Линочка, вчера, наконец, приехал Клейнерман из Москвы. Мой рапорт о реэвакуации вас в Москву он передал Скосыреву¹, который был очень любезен, на месте решил вопрос положительно. Клейнерман снес рапорт с резолюцией Скосырева в учетную часть и таким образом ты, ребята и мама оказались включенными по союзу писателей в список на реэвакуацию. В ближайшие дни этот список будет представлен в правительственные органы на утверждение. До сих пор эти списки поочередно утверждались. Надо полагать, что и этот список будет утвержден, если не для первой очереди, то во всяком случае для второй. Об утверждении я буду извещен, как говорил Скосырев, в конце июня. Что касается мамы, то она наверняка воспользуется этим решением и осенью выедет в Москву, в свою комнату. Ей не мешает уже теперь написать письмо в свою поликлинику о работе. Ты и ребята переедете только в случае, если будут деньги, разрешен квартирный вопрос и т. д. Словом, будешь действовать по своему усмотрению — как сочтешь это целесообразным.

Клейнерман ездил в Москву для сдачи своей пьесы. В Комитете по делам искусств² он был у Дуниной³, которой передал мой привет и столкнулся с... Колей Чушкиным⁴. Тот просто расплылся, услышав мою фамилию и, конечно же, кланяется тебе. В ГРК⁵ Клейнермана принял... Ростоцкий⁶, оказавший так же деловую помощь. И он передал привет (помнишь, мы его изобразили в газете со знаком вопрос вместо лица!).

Здесь у нас уже 3 дня Фиш. Сегодня заканчиваем либретто — пишем его заново как конспект просмотренного фильма. Сухо, но четко и вразумительно. Завтра сдаю на машинку и отправляю.

Через 10–12 дней выеду, вероятно, на республиканский съезд членов союза писателей.

От тебя нет писем уже 10 дней. Видимо, отправив мне 2 телеграммы, ты эти дни не писала писем. Иначе я объяснить не могу, потому что остальные все получали почту регулярно.

Целую тебя, кроха, твой И.

обними ребяток

Примечания

1. Петр Григорьевич Скосырев (1900–1960) — писатель, оргсекретарь Союза писателей.

2. Комитет по делам искусств при СНК СССР, образован 17 января 1936 года.

3. Софья Тихоновна Дунина (1900–1976) — театральная критик.

4. Николай Николаевич Чушкин (1906–1977) — театровед; в 1942–51 — старший инспектор Главного управления театров.

5. ГРК — Главный репертуарный комитет; образован в 1923; в 1933 выделен в самостоятельное Управление — ГУРК.

6. Болеслав Норберт Иосифович Ростоцкий (1912–1981) — историк театра, критик.

8

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 8

03.08.43

Здравствуй, моя Ph!

Вчера я отправил Фишу новую редакцию либретто. Так, как сейчас получилось с либретто, мне не совсем нравится. Месяц назад я написал распространенное либретто в полубеллетристическом изложении, которое было не очень идеально композиционно, но оно передавало интонацию вещи, какие-то штрихи человеческих отношений. Фишу она в таком виде не понравилась. Мы разработали его заново, оно стало чище, яснее сюжетно, но суше. Это — как бы краткая запись просмотренного фильма, хорошо всем известного. И действительно, за ним «лежит» сценарий, который в месяц вполне можно написать. Но на читателя, не знающего, что кроется за этим почти телеграфным изложением, заявка может произвести слабое впечатление. Все же я бы по такой заявке заключил бы договор. Посмотри и прокомментируй, когда будешь сдавать Тихонову. Я бы ничего не имел против, чтобы на время работы над сценарием я бы оказался в положении Немоляева¹ — так, как ты мне его описала. А это достижимо. Тем более, что в результате фронт получил бы работу большого оборонного значения. Писать же врозь, как сейчас, не дело. А как твой сценарий подвигается? Целуй ребяток. Обнимаю тебя и целую. И.

Да, я придумал один сценарий, совсем новый. Рассказал его своим товарищам по работе. Уже есть сюжет и главные

персонажи. Рассказать бы его тебе... Попробую его написать в виде полурассказа, подробного, если выберу время. Читала ли ты в «Знамени» рассказ Г. Березко², который очень хвалит «Литература и искусство»? Привет тебе от Штока³, Коли Чушкина, Ростюцкого, Фиша. Целую. И Приписка на полях второй страницы:
Прости за наивный вопрос: а не найдется ли в Союзе ордер на пальто для тебя на зиму?
Поехала ли Лялечка в пионерлагерь?

Примечания

1. Владимир Викторович Немоляев (1902–1987) — режиссер, актер, сценарист.
2. Георгий Сергеевич Березко (1905–1982) — писатель, сценарист. Во время Великой Отечественной войны вступил в народное ополчение, сотрудник дивизионной газеты, режиссёр центрального ансамбля ВМФ, а затем фронтового театра. С 1942 начал писать прозу. В 1943 году вышла его повесть «Красная ракета» (не в журнале «Знамя»).
3. Исидор Владимирович Шток (1908–1980) — драматург.

9

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 9

07.08.43

Войтоловочка, моя дорогая!

Ты мне напомнила Бернса, а я тебя «бью» Бетховеном. Вот полный текст Ирландской:

За окнами шумит метель

Роями белых пчел.

Друзья, запеним добрый эль,

Поставим грог на стол.

Пусть девушки любовь дарят,

Беседой утоля,

Пусть светится любимый взгляд

Огнями хрусталя.

Из ночи и морозных вьюг

Кто в дверь стучится к нам?

И отчего немой испуг

На бледных лицах дам?

Миледи смерть, мы просим Вас

За дверью обождасть:

Нам Бетти будет петь сейчас,

А Джени — танцевать.

Что ж потемнели свечи вдруг —

Зажгите пунш скорей!

— И девушек теснее круг

И песня — веселей!

Звени бокалом, жизнь моя,

Гори, любовь и хмель!

О только не сейчас, друзья,

В морозную постель!

Это мы пропоем, когда увидимся. «Пропоем» — конечно, сильно сказано, если иметь в виду мои вокальные способности.

Но я уж постараюсь как-нибудь. А вот акынов я видал.

Впрочем здесь у меня произошла одна необычная встреча. Один из работников по нашей линии оказался... актером, который для дубляжа на финский язык озвучивал за Боголюбова «Великий гражданин»¹, за Геловани — «Чкалов»² и получил благодарности от Эрмлера — Герасимова. Фамилия его Туорила³. Передай это Эрмлери.

У меня все по-прежнему. Целую крох. Обнимаю и целую твой И

Примечания

1. В фильме «Великий гражданин» (Ленфильм, реж. Ф. Эрмлер, 1 серия вышла в 1938, 2-я — в 1939) Н. И. Боголюбов сыграл коммуниста Шахова.
2. Речь идет о фильме «Валерий Чкалов» (Ленфильм, реж. М. Калатозов, вышел в 1941-м); М. Г. Геловани сыграл в фильме И. В. Сталина.
3. Суло Александрович Туорило (1911–1979) — актер, главный режиссер Государственного Финского драматического театра Карелии.

10

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 10

07.08.43

Линуша, только что я отправил письмо Маше на адрес Леонидова, где я объясняю, как ей получить посылку для тебя.

В письме не преминул упомянуть о гидальго, извлекающем [ишиас] из ножен своих...

Пишу я тебе об этом, а сам думаю о тебе, моя Ph. О том, что нам будет о чем поговорить, когда встретимся. Была бы только

ты крепкой и стройной и сильной, какой я вижу тебя все время. Верю я почему-то в твои силы, в твое дарование, в твое отношение ко мне.

А в [отнош?] я в письмах объясняться не умею.

Вот и о делах. Я писал тебе в прошлом письме, что после «Она защищает родину»¹ А-Ата не возьмется за партизанскую вещь. Ведь работа Эрмлера — это трагическая вещь (то, что раньше называлось «тяжелая картина»). «День рождения» — лирико-драматическая, и притом не о первых днях партизанского движения, когда оружием еще была дубина, а о созревшем многоопытном отряде, воюющем тем их оружием, что и враг, но сильным своей окаменевшей ненавистью, выстраданной месяцами и уже годами стойкостью. А жанрово — это продолжение линии Фени — Сени² в «Она защищает родину». Как ты думаешь? Ты говоришь «выехать на 2–3 дня, чтобы встретиться с Тихоновым». Это зависит только от него. Вспомнит он об этом — и это осуществится. Это легче легкого. Как — знает Большаков. Мое начальство отнесется к этому только поощрительно.

Лялечке посылаю линованную бумагу для письма (а тетрадь для школьных занятий отправил отдельно). Письмецо ее о дружбе с Борей очень мило и трогательно. Поехала ли она в лагерь?

Линуша, не забудь ответить насчет дров: к кому должно обращаться мое начальство и что именно оно должно просить.

Целую тебя, моя родная, крепко-крепко. А на мелочи кинематографического быта — старайся не обращать внимания, плюй на них.

И

Расцелуй детворишек.

Приписка на полях:

Посылаю Лялюхе и Натю книгу Маршака и Кукурыников³, которую достал у Костелянца.

Примечания

1. «Она защищает Родину» (реж. Ф. Эрмлер, сцен. А. Каплер, ЦОКС (Алма-Ата), 1943, ВЭ 20.V.1943)

2. Феня и Сеня — герои картины, молодые партизаны. Феню играет Л. Смирнова, Сеньку — П. Алейников.

3. Видимо, речь идет о книге С. Маршак, Кукурыникисы «Блиц-фрицы». Стихи и рисунки. Детгиз НКП РСФСР.: Москва, Ленинград, 1942.

11

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 11

15.08.43

Линуша, дорогая! Третий день нахожусь в поездке. По-прежнему здесь солнечные ночи и теплые дни, лес, озера, холмы такие, как алмаатинские, абсолютно равнодушны к тому, что происходит в мире. Пробуду здесь еще неделю, а может быть и больше — в зависимости от того, как пойдут дела. Постараюсь писать тебе почаще — всякий раз, как будет возможность. Ты мне продолжай писать по прежнему адресу. Работа моя по содержанию ничем не отличается от того, что я делал до командировки. Только все ближе к материалу и поэтому интереснее.

Из наших новостей: Фиш переехал на постоянную работу в Мурманск. Так что я вряд ли смогу с ним видаться теперь. Если нужно будет писать сценарий, буду, видимо, работать один.

Целую тебя, моя родная. Обними и расцелуй ребяток. И

12

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 12

19.08.43

Линочка, я уже 5-й день здесь и вероятно буду не меньше недели, хотя сначала должен был вернуться 1-го августа. Работаю здесь вместе с товарищем, приехавшим из того же места, где Фиш. Это 24-летний молодой человек безукоризненно знающий язык — литературовед, западник по специальности, ленинградец, умница и тонкий человек. У него есть чему поучиться. Чтобы составить представление о темпераменте и характере студенческой среды в Л[енингра]де в мирное время, расскажу об одном эпизоде из их жизни. Чтобы проучить самонадеянного Мокульского — есть такой литератор и театровед¹, — Эткинд² (это мой товарищ по работе), заявил, что на семинаре он будет делать доклад об одном современнике Буало³ — малоизвестном авторе графе де Полонез (разумеется никогда не существовавшем), единственный экземпляр книги которого имеется в Публичке. Мокульский с видом знатока одобрил выбор. И вот начинается кипучая деятельность: Эткинд сочиняет элегии, отрывки из драм Полонеза, отзыв Буало о его творчестве, высказывания других современников и т.д. Обширный и эрудированный доклад на семинаре вызывает одобрительные хмыкания Мок. Э получает отличную оценку, пока все не выясняется к конфузу опростоволосившегося Мок. Но это пишу так, между прочим. Заняты весь день и даже часть все еще белой ночи. Сюда уже доставляли 2 раза почту, а от тебя — ничего. Скучаю. Целую крепко. Твой И

Примечания

1. Стефан Стефанович Мокульский (1896–1960) — театровед и литературовед. В 1923–1942 читал курсы зарубежной литературы в том числе в Ленинградском Государственном университете.

2. Ефим Григорьевич Эткинд (1918–1999) — филолог, переводчик, специалист в области французской и немецкой литературы. Закончил Ленинградский Государственный университет (1941). В 1942 ушел в армию добровольцем, был военным переводчиком.

3. Никола Буало (1636–1711) — французский поэт, теоретик классицизма.

13

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 13

29.08.43

Дорогая моя Ph! Соскучился я по тебе и по твоим письмам, и по ребячьим каракулям. Отсутствие писем в течение недели еще больше заставляет почувствовать и отсутствие вас со мной. Через 3–4 дня придет Клейнерман и привезет, надеюсь, письма. Делаю то же, что и у себя обычно. Работы хватает. Самый крайний срок пребывания здесь — 20 августа, но я, вероятно, выеду раньше.

Лето здесь в этом году удивительно теплое (тьфу-тьфу чтоб не сглазить). Купаемся 3 раза в день в озере, окруженном соснами. Места очень напоминают те, в которых мы жили 10 лет назад у мамы под Лугой. Кое-что изменилось за это время. Сегодня признался Эткинду, что в Ал-А-те осталась моя память: ведь ты мне всегда рассказывала содержание просмотренных мною картин, читала наизусть стихи. Теперь это некому делать. Илюша оказался необразованным товарищем. В ответ на это Э. смеясь ответил, что память у него с собой, а вот совесть осталась там, где жена. Ко мне это уж тем более относится... Вот так и потрепались меж собой мужья. (Кстати, он как ленинградец знает тебя). Целую тебя и крох. Твой И

Приписка на полях:

Получила ли ты мое письмо от Эйзена <то есть С. М. Эйзенштейна. — Е. Д.>?

14

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 14

30.08.43

Войтоловочка, вот уж десять дней, как я не получаю никакой почты. Жду приезда Клейнермана 5–6 августа, а с ним — писем. Здесь установилось прохладная солнечная августовская погода — жары уже, видимо, не будет в этом году. Когда придет это письмо, и у вас будет чувствоваться приближение осени, а с ней всех зимних перспектив. Могу ли я тебе помочь с дровами? Ответь, кому адресовать письмо о дровах и надо ли писать о печке.

Своей литературной работой я здесь не занимаюсь — есть другая, фрицеведческая. Должен сказать, что я теперь довольно хорошо разбираюсь в кеглях и шпонах и прочих типографских премудростях: свои работы для издания размечаю сам.

Очень тревожусь за вас всех: была ли Лялечка в санатории? Поправилась ли Натка за лето? Твое «потолстение» не миф? Что сложно с моим либретто — что-то не нравится он мне в таком виде. Напиши обо всем сразу. Переписки не прекращай. Я все письма получу еще здесь. Целую крепко, моя родная. И

15

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 15

09.09.43

Дорогая моя Ph! Дни стали длиннее оттого, что не читаю твоих писем. Я привык к твоему неровному почерку, и немного нервному, встревоженному тону и [к] твоей взволнованности, за которой всегда ощущаешь уверенность и твердость. Сегодня Клейнерман сообщил, что придет 8-го, а 18-го мы с ним вместе выедем обратно. Впрочем, признаться, я не рвусь возвращаться: здесь наше дело приняло ещё более интересные и результативные формы. Сблизился и увидел много новых людей. Глядя на 25–26-летних ребят, окончивших ленинградские вузы, немного завидую, что у них в Ун-те учеба была построена куда глубже, знания приобретались более прочные. Они лучше меня знают язык («лучше» — это мягко сказано), поэзию, зап[адную] литературу, мне бы очень хотелось продолжать знакомство с этими людьми и после войны.

Целую крепко, крепко. Твой И.

PS. В какой школе будет учиться Лялюн. Девичей?

16

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 16

03.10.43

Линуша, только что отложил учебник нем[ецкого] языка, чтобы написать тебе открытку. То, что называется пассивным изучением, мне дается: тексты, преимущественно публицистические, читаю. Гораздо труднее с «разговорным жанром» — больше думаю о том, как построить фразу и подборе слов, чем о содержании. Но занятий не прекращаю — без этого трудно работать.

Пишу о языке, а сам думаю, что тебя волнуют, вероятно, совсем другие вещи. Заботы о топливе, столовой, деньгах. Я об этом ничего не знаю, и не ведаю, как поделить с тобой эти заботы. Надеюсь только, чтобы не сглазить, что скоро смогу начать переводить тебе деньги.

Толстеешь ли ты, Микуха, или только хвастаешь? А ребяташки?

Целую тебя крепко, моя жалмерка¹ родная. Той И

Приписка на полях:

Твои письма получу только 9го с Клейнерманом. Вернусь к себе числа 18–20 августа.

Примечания

1. Жалмерка — у казаков: женщина, муж которой находится на военной службе. Восходит к польскому «жолнеж» — «солдат». «Жолнежка» — «солдатка». Польское «ж» часто звучит похоже на «р» и нередко к нему же и восходит.

17

Письмо детям

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 17

16.10.43

Здравствуйте, мои крохи!

Напишите мне, как провели лето, хорошо ли отдохнули. Если сможете, сфотографируйтесь и пришлите мне карточки. Очень хочется на вас взглянуть. Наташелик-вермишелик, слушайся маму и Лялечку во всем — как мы с тобой условились перед отъездом. Целую вас, малыuty, во все места.

Пишите!

Папа

18

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 18

15.VIII.43

Линуша, еще вчера с вечера я говорил Клейнерману, что у меня дома наверняка лежат телеграмма или письма от тебя. Признаться, я хотел бы их получить именно 15-го. Но в этот день никто не приехал. 15-го встал рано с мыслью о тебе. Нужно сказать, что ребята удивительно трогательно поздравляли меня. Подарили все, что можно было достать в этой обстановке. В общем я получил нечто, напоминающее содержимое кармана Тома Сойера¹: трубку, красный автоматический карандаш, карандашную резинку (2), две пьесы Ибсена в издании Маркса. За обедом по случаю дня авиации давали водку. Товарищи отливали мне свою по очереди, но я, как назло, не хмелел. Потом ходили в баню. Видишь, как пошло было. Я, конечно, рассказал товарищам об ответе Наташи на именинах у Лялечки, когда спросили кто кем хочет быть, и сказал, что я ее вполне понимаю. Действительно, сегодня проявилось такое сердечное отношение со стороны всех наших без различия званий, что я ей-ей начал теряться.

Сейчас уже ночь. Темно. Только что написал открытку на свое постоянное место, о том, чтобы мне переслали твои письма, т. к. не исключено, что мы здесь задержимся еще на несколько дней.

Вот я поставил точку и остался сидеть, задумавшись. Я тебе передаю все, что может передать человек на таком расстоянии.

В сущности, я все время с тобой и ты со мной. Может быть иначе? Целую, целую. И

Приписка на полях:

Привет Марише, В.П., М. См., Абдильдеи Саре.

Я часто думаю, как меня встретит Б[ольшаков]в и с[нобы] в киносреде. Не сделают ли они «незнакомый цвет лица», увидев приехавших отсюда. А я хочу вернуться именно в кино, хотя в дружеские отношения своих новых товарищей (в основе отношения которых ко мне лежит нечто иное, чем у [Луговского]) — я твердо верю.

Расцелуй крошек

Примечания

1. Содержимое кармана Тома Сойера было победнее:

«Он вынул из кармана все свои сокровища и произвел им смотр: ломаные игрушки, шарики, всякая дрянь, — может, годится на обмен, но едва ли годится на то, чтобы купить себе хотя бы один час полной свободы».

19

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 19

15.10.42

Здравствуйте, Микки! Решено: через 2–3 дня возвращаемся назад. Вот уж 10 дней я снова без почты, получу теперь только дома. Что с вами со всеми? И получаешь ли ты мои письма? Правда, я отсюда писал тебе реже, чем обычно оттого, что только раз за все время получил от тебя почту. Я <оборван кусок> ей-богу. Сдружились. Решили встретиться после войны в Москве у нас с тобой и у Клейнермана. Когда это будет? Ведь будет, <оборван кусок> да? О тебе и истории возникновения нашего романа в Ун-те я рассказывал Эткинду и Клейнерману. Они уже считают себя как бы знакомыми с тобой и шлют тебе привет. Жена Эткинда написала ему, что она ревнует его ко мне. Воображаю, что он ей понаписал обо мне. Вообще, они все, дьяволы, прямо задавили меня комплиментами и предупредительностью, деваться некуда. Как ни дружественна эта атмосфера, я весь живу тем, чем жил последние тринадцать лет. Не знаю, восстановится ли именно квартира 5 на Потылихе или мы с тобой будем в другой квартире или в других местах, но мы непременно будем вместе и делать то, в чём мы сильнее всего. Ведь долгие отъезды Льва Наумовича¹ на войны не помешали этому, хотя семья жила то в Киеве, то в Ленинграде, то в Москве. Целую тебя, моя родная жалмерка, которой я так мало, к сожалению, помогаю. Люблю и обнимаю тебя и крох. Твой И.

Приписка на полях:

Ф. Д. в Москве — директор музея игрушки.

Примечания

1. Лев Наумович Войтоловский (1875–1941) — отец жены И. Вайсфельда Лины, врач, журналист, публицист, литературный критик. Принимал участие в Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой (1914–1917) войнах. Погиб во время ленинградской блокады.

20

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 20

03.11.42

Родная моя, затурканная, бедная жалмерка! Как мне было грустно читать твои письма. Тем более, что я действительно часто занимаюсь мечтаниями. Я бы занимался вовсе не мечтаниями, если бы имел возможность практически действовать... Но хорошо, что ты мне открыто и честно пишешь о том положении, в котором находишься.

Я получил сегодня (как только приехал) твою телеграмму: «люблю неизменно и верно». Может быть, это и есть та сила, которая сделает возможным невозможное. Это мистика? Черт его знает, не может быть, чтоб мистика.

Завтра перевожу тебе тысячу рублей. Конечно, это ерунда, но все-таки кое-какие дыры заткнешь, хоть на время уравнишь покачавшийся бюджет. Сейчас ищу способ переслать тебе мой полушубок и свитер, которые могут вам пригодиться, а мне совершенно ни к чему (я получаю теплые вещи). Если Маша захватит из Москвы мелочишку, это тоже не будет лишним. О печке и дровах, повторяю, напиши, к кому обратиться — командование напишет по этому вопросу.

Либретто «День рождения» сегодня отправил О. Леонидову. Одновременно разработал (пока в голове) план новой вещи. Я, видимо, нахожусь в иных условиях, чем ты, поэтому не погрузился и не могу погрузиться в пассивность. А что касается опасности, то это вещь сугубо относительная, да она и не ослабляет, а напрягает волю.

Как бы тебе ни было плохо, помни, моя Рн, что я всегда с тобой и бесконечно верю в твои силы и энергию, которые должны пробудиться. Целую крепко, крепко, твой И.

Приписка на полях:

Поцелуй ребят.

Лирической Машеньке и не менее лирическому Сереже — мои лирические флюиды (по очереди только...).

21

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 21

21.11.42

Родная моя, я получил телеграммы о болезни Наташи от всех, кроме тебя. Видимо, не таково было твое состояние. Благодаря характеру телеграмм, моему воображению предоставлена полная свобода. Ясно одно, что у Наташеньки какая-то серьезная инфекция и она, по-видимому, в больнице (Мариша пишет: «Лина с нами»), а ты, если и здорова, то находишься в крайне тяжелом состоянии. Со дня на день жду еще телеграмм от вас всех. Не знаю, когда в какой-то момент, вас достигнет это письмо и те ли слова тебе нужны сейчас, Мика моя, от твоего встревоженного и все еще толком не представляющего супруга. Мариша телеграфировала в тот же час, что и Маша (в 6 ч. 20 утра 17 авг.): «не волнуйтесь, состояние Наташеньки удовлетворительное». Может быть она уже здорова? Тогда я тебе причинил только неприятность своей предыдущей открыткой. На всякий случай имей в виду, что от Муканова¹ я получил очень приятельское письмо, в котором он сообщает, что я принят Москвой в ССП. След[овательно], рассчитывай на медиц[инскую] и всякую иную помощь со стороны Союза. Если у тебя с Мук. испорчены отношения, пусть с ним говорят другие. Всем сердцем с тобой. Целую. И

Приписка на полях:

подтверди получение 900 рубл. и еще одной тетради для Ляли и книжки Маршака для Натика.

Приписка на верхнем поле:

Поцелуй девочек.

Примечания

1. Сабит Муканович Муканов (1900–1973) — писатель. В 1943–1951 — председатель Правления Союза писателей Казахстана.

22

Письмо дочке Ларисе

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 22

22.04.43

Здравствуйте, Лариса Ильинична!

Сегодня я получил Ваше письмо и открытку из лагеря.

Черный листок дуба и цветок неизвестного названия я сохраняю. Спасибо, кроха.

Поехала ли ты второй раз в лагерь?

Где ты была, когда болела Наточка?

Пиши мне чаще.

Обнимаю тебя и целую.

Поцелуй маму и Натика.

папа

P.S. Посылаю тебе марку и листок бумаги

Приписка на полях:

Малину собери обязательно!!

23

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 23

17.06.43

Линочка, моя дорогая! Сегодня получил 3 новые открытки от 15.VIII. Как мне жаль Натика — стоматит это отвратительная, мучительная болезнь. Но только ли стоматит у нее?

Леонидов пишет, что твою рукопись протолкнет, о реэвакуации хлопочет. Линуша, мне отсюда действовать труднее, чем тебе (кстати, я писал Соловьеву¹, но он не откликнулся). На всякий случай узнай на студии, в каком порядке проводится реэвакуация по линии Мосфильма. М.б. студия поставит вопрос перед Боль[шако]выми включении вас в список. Тогда ты в Москве сможешь добиться всего, что намечаешь.

Не исключено, что я в ближайшие дни снова уеду в командировку недели на 2–3. Но телеграммы и письма шли по старому адресу, как и все время: мне будут пересылать, и я хоть с опозданием, буду отвечать.

Милая моя, ты мне напоминаешь о моей непрактичности. Сейчас время не до взаимных упреков. Но я не жалею о том, как жил и вел себя до войны и как веду себя в дни войны. Только бы мне вас поставить на ноги, как другие семьи.

Обнимаю и люблю. Отдельно целую Лялечку и Натика. Твой И

Примечания

1. Возможно, речь идет о писателе и сценаристе Леониде Васильевиче Соловьеве (1906–1962).

24

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 24

03.07.43

Линочка, как же я тебе не телеграфировал?!

Я ответил тебе, Маше¹, Марише, О. М.² Кроме того, тебя я известил дважды о своих отъездах. Отвечал я и им всем, потому что от тебя не было никаких известий долгое время. После всех уже прибыла единственная твоя телеграмма, которая убедила меня в том, что хоть ты сама больна, но еще в силах написать телеграмму. Бедная, сколько испытаний выпало на твою долю. По сравнению с тем, что произошло с Наташей, даже Лялечкин стоматит показался тебе пустяком. А Натик — ее сейчас надо поправлять и поправлять. Ведь в таком состоянии так опасны всякие даже ничтожные заболевания. Не удивляюсь, что ты чувствуешь себя такой усталой. Но если произошло чудо с Наткой, и если ты пережила то, что было со всеми вами в августе, то теперь предстоящие трудности покажутся тебе гораздо менее непреодолимыми, чем это могло казаться. А трудностей этих немало. Начать с того, что нужно упаковаться, доставить вещи на вокзал, заготовить продукты на время переезда, достать деньги и т. д. и т. д. Во многом тебе помогут друзья, фабкомовцы, но основные заботы все таки будут на тебе. И главное: настолько ли уже окрепла Наташенька и все вы, чтобы выдержать путешествие, устраиваться на новом месте. В силах ли ты это взять на себя?

Я помню, когда раньше болели ребятишки, сколько раз ты впадала в отчаяние и приникала ко мне, сдерживая слезы, хоть тебе хотелось просто поплакать, чтобы «отойти». Но потом в тебе просыпалась такая энергия, такая агрессия, что я просто диву давался, откуда это в тебе. Помнишь, как ты трижды отсылала санитарную машину и как мы поместили Натку в Кремлевку³. Или как смело ты пошла на предложенное Босиком средство спасать Нату от диспепсии. Да, что и говорить, ты энергичнее и деятельнее меня. А ведь сейчас момент куда более важный для судьбы детей, такой, когда у человека неведомо откуда появляется гигантский запас сил. Ты мне часто говоришь: «ты всегда прав». Хоть бы я был прав и сейчас, моя родная, любимая жалмерка...

Когда все выяснится с пропусками и квартирой, надо будет позаботиться, чтобы студия помогла тебе. Фабком мог бы: достать транспорт на вокзал и дать телеграмму Мосфильму, чтобы обеспечили транспортом в Москве; предоставить кое-что из продуктов «Ремизовой», учитывая мамины достижения там. Я думаю, что и ССП поможет, чем сможет (талоны на промтовары и кое-что из продуктов). В общем, ты сама сумеешь ориентироваться на месте и не станешь замыкаться: одной переезд просто не поднять.

Из Москвы я получаю восторженные письма Берестинского. Тебе он кланяется. О Наткиной болезни знает, и дело с возвращением всячески проталкивает в ССП. Тоже обещает делать О. Л. Леонидов. Видимо, вопрос этот скоро разрешится.

Ты, видимо, уже все взвесила и решила, что возвращение в Москву лучше, чем оставаться в А-Ата — сужу по твоей телеграмме о форсировании получения пропусков. Так что моя активность в этом направлении не идет вразрез с твоими желаниями.

Обнимаю тебя, моя родная. Помни, что если и возникнет пауза в моих письмах, я всегда, всегда с тобой.

Нежно расцелуй крошек. Твой И

Получила ли вещи?

Приписка на полях:

От Маши тоже была телеграмма: она обращалась на ты, чего Мариша не могла бы сделать.

Телеграмма от Попова была (простая), из ССП — нет.

Примечания

Примечания Л. И. Вайсфельд:

1. Маша, видимо Мария Николаевна Смирнова — сценарист, писатель.

2. О. М. — видимо, Ольга Моисеевна Грудцова — (1905–1982) — российский литературный критик, литературовед.

3. Вера Марецкая взвалила умирающую от тифа Наташу на плечо (видно сил не было) (это я видела) и потащила ее в Кремлёвку. Сдала ее как свою племянницу. Наташу спас доктор Попов.

25

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 25

05.07.43

Линочка, сегодня получил твою телеграмму от 2 октября. Все меры, какие только возможны к вашему выезду в Москву, принял. От Кашинцевой¹ ответ был: все в порядке, пропуска в ближайшие дни будут высланы. О. Л. даже поздравил с этим. Все же сегодня я отправил письма Кашинцевой и Берестинскому, где прошу проследить и форсировать присылку пропусков. Головне² (директору Мосфильма) написал, чтобы подготовили квартиру. Вопрос о квартплате в этом письме я обошел. Если они постараются его использовать, чтобы не впустить в дом, надо будет подымать дело: квартиры фронтовиков они не имеют права отбирать. Но надеюсь, что они не окажутся там в жилотделе сволочными людьми. Тем не менее в одном из писем я просил тебя подумать о том, чтобы изыскать возможность с вокзала въехать к кому-нибудь из друзей: а вдруг придется несколько дней потратить на квартирные дела? По приезде в Москву сразу же свяжись с Литфондом. О. Л. и Берест. научат тебя, как прикрепится к распреду, столовой и т. д. Постарайся еще в А-Ата достать ордер на пальто для себя в ССП или фабкоме — не думаю, чтобы это было уж так неосуществимо. Ведь в Москве морозы покрепче Аатинских, а ты должна держаться, должна быть крепкой — глава семьи! Не хочется забегать вперед, но о выезде телеграфируй и с дороги пиши.

Упор делай на письма — они быстрее и аккуратнее приходят. Да, не забудь, конечно, загнать обстановку. От Лялечки получил сегодня чудесное письмецо. Ну, что за очаровательное, милое дитя. Вдруг заговорила о почве, о которой она «знает все» после школьной экскурсии. Вообще, мне кажется она получит от школы все, что должна давать школа по гениальному определению Чернышевского 1. обширные знания, 2. привычку мыслить, 3. благородство чувств³. А как она пишет о Наточке! Ни одного эпитета, ни одного открытого выражения чувств, но сколько ощущаешь нежности и заботы. Наверное, Лялюша помогает тебе, облагораживает атмосферу семьи своим обаянием и нежностью. Поцелуй ее. Если подвернуться еще тетради, пришлю ей.

Очень хорошо, что сегодня пришла твоя телеграмма. А то из-за отсутствия писем я уж хотел опять начать плакаться тебе в жилетку по поводу твоей вялости в эпистолярном плане, а главное на то, что я не знаю, что со всеми вами.

Все-таки завтра буду ждать писем.

Обнимаю, родная. Твой И

Приписка на полях:

Лялечкино письмо ходило по рукам. Всех оно умилило.

Приписка на обороте печатными буквами:

НАТИК, ПОПРАВЛЯЙСЯ!! ЦЕЛЮЮ ТЕБЯ КРЕПКО-ПРЕКРЕПКО, МИЛУША МОЯ. ПАПА.

Лялечка прочитай. Все это относится и к тебе: письмо твое получил. Спасибо! Пиши еще. Целую крепко, моя лапушка.

Примечания

1. Видимо, речь о Валентине Михайловне Кашиной, секретаре А. А. Фадеева в ССП.

2. Владимир Николаевич Головня (1909 г.р.) — оператор, фронтовик, в феврале 1943-го был назначен директором «Мосфильма».

3. Речь идет об определении Н. Г. Чернышевским образованного человека в очерке «Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения»:

«Образованным человеком называется тот, кто приобрел много знаний и, кроме того, привык быстро и верно соображать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, или, как выражаются одним словом, привык “мыслить”, и, наконец, у кого понятия и чувства получили благородное и возвышенное направление, то есть приобрели сильную любовь ко всему доброму и прекрасному. Все эти три качества — обширные знания, привычка мыслить и благородство чувств — необходимы для того, чтобы человек был образованным в полном смысле слова».

26

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 26

05.01.44

Линушенька, вчера получил две твои открытки, написанные еще 25/XII. Насчет семинара Юля просто преувеличил. Ему не предоставили отпуск — во и все. А семинар отложили на месяц. Юля, очевидно, уже у Леонида Михайловича. У Катинова¹ есть вот такая забота: ему поручено приобрести в Москве два 100-ваттных усилителя для говорящей установки и головку динамика. Приобрести он должен в одной из гос. организаций (радиозавод или через Управление киномеханической пром[ышленнос]ти) с оплатой по счету. Если можешь, узнай у своей т. т. в театре или у Мих. Львовича Овручевского или у Гринкоута или у Лещева, осуществимо ли это. Как только выяснится, что это осуществимо и дело останется только за техническим оформлением, Кат-в едет в Москву на несколько дней. Кстати, он сможет там уточнить вопрос о кандидатской диссертации ССП. Напиши мне об этом. Я здесь чем-то уже занимаюсь, подготовил лекцию по истории <неразб.>

Живет А. А. у твоей мамы?

Примечания

1. Василий Васильевич Катинин (1907- неизв.) — сценарист, в 1938–1941 — заместитель начальника сценарного отдела студии «Мосфильм». Участник Великой Отечественной войны. После войны — редактор сценарной студии Министерства кинематографии (1946–1949).

27

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 27

26.07.44

Линушенька, моя родная!

Неужели ты не получила мои тезисы об Эйзенштейне, заметки на тему «русская <тема?> в кино», заметки о сценарии об Андрее Петровиче? Ты не откликнулась, значит письма эти где-то бродят, а ты тревожишься, почему я долго не пишу. Между тем, все, что я написал, было сделано сверх всякого времени — так, чтобы не забыть, что я киношник. Поэтому с нетерпением жду письма от Ржешевского¹, написал трепливое письмо Марии Трофимовне и написал бы еще Вере Петровне, если бы знал, что этот знаменитый товарищ ответит.

Не забывай меня, моя Рн и среди своих дел оставляй время, чтобы чиркнуть мне. Целую крепко тебя и крох. Твой И.

Примечания

1. Александр Георгиевич Ржешевский (1903–1967) — сценарист, драматург.

28

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 28

04.09.44

Линуша, сегодня и вы, наверно, узнали о Финляндии¹. Теперь, очевидно, нам придется поехать куда-то в другое место

и, конечно же, через Москву. Сама понимаешь, как я ждал этого момента. Теперь и тебе нет нужды ехать куда-то для встречи со мной. С нетерпением жду известий...

Целую крепко

И.

P. S. Вчера отправил вам через Фиша посылку.

Примечания

1. В сентябре 1944 Финляндия подписала соглашение о перемирии с Великобританией и СССР и обязалась содействовать выводу из страны германских воинских соединений.

29

Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 29

18.03.45

Линочка, сегодня у тебя был снова огорченный и усталый тон. Собственно, какому иному быть, когда ты больна, сиречь все проистекающее отсюда плюс отсутствие обедов, которые тебе вряд ли кто-нибудь доставляет. К тому же, как порядочный человек, ты имеешь хорошую порцию долгов. Если мои переводы тебе хотя что-нибудь дают, позаботься толику о своем здоровье.

Байка Берестинского¹, как мне кажется, просто красивый домysel. Кто отпустит Тр-га² из-под Штеттина? Решится Больш[ако] в³ говорить с тем единственным человеком, который только и может решить такой вопрос. Но так или иначе всё идет правильно. Астахов должен был доказать свое ничтожество. Если он это уже сделал, честь ему и хвала. Теперь, говоришь, Еремину⁴ предоставляется возможность продемонстрировать, что он не мужчина, а облако в штанах, и что если он может что бы то ни было возглавить, то разве только равное ему самому по плотности вещество. Так пусть это он сделает — на это не потребуется и полугод. То, что вспомнили об И. З. [Трауберге], Васе и Мике никому помешать не может, тем более, что эта тройка действительно могла бы поставить дело. Я бы превратил эту канцелярию из отдела в студию, т. е. в место, где во 1-х создаются сценарии для плана, и где, во 2-х, воспитывались бы новые кадры. По своему Мос.ленфильмовскому опыту, вижу, что опорой для «плановой» работы должны стать режиссеры и имеющие место писатели-сценаристы, которые стали бы центрами миниатюрных литсодружеств (типа Ромм — Габрилович, Эрмлер — Блейман⁵ и т. д.). Для решения творчески-воспитательных задач мы восстановили бы практику записей готовых фильмов (на которых выросли, скажем, Васильевы⁶), ввели бы эйзенштейновские анализы американского опыта, разборы текущих работ Козинцевым. Да и сами писали бы. Ведь ничего не написано по истории кинодраматургии, по отдельным жанрам. Такая работа за столом, которую в театре прививал Станиславский, — представляешь, какое это наслаждение. Здесь был бы простор и для обобщений, и для воспитания профессионализма самого что ни на есть всамделишного, и для настоящего производственного вдохновения. Но я — так мне подсказывает всё — приду к этому, только побывав на «УФА»⁷.

А пока все еще кейфую в Энске, штудирую непостижимые конъюнктивы, хожу на понедельник и стараюсь поддерживать форму интеллектуального напряжения (Чехов, кажется, говорил, что если ежедневно не практиковаться, можно не писавши «исписаться»...⁸). «Как это вам нравится?» Как говорил товарищ Шекспир⁹. Задай этот же вопрос Александру Леонидовичу. Реально я представляю себе дело так: байка Берестинского — байка (подробности все же узнай у Мишки); на фронте у меня очень интересные и большие перспективы; ускорить отъезд — моя сверхзадача; этой сверхзадаче может способствовать напоминание А. Л. о хроникальных теоретических опытах; после «УФА» (а это может быть очень скоро) — да здравствует сценарная студия. И потом: мне очень нужна сейчас Потылиха. По-моему Лев Наумович [Войтоловский] позволял себе заезды домой во время своих длительных путешествий по военным дорогам.

А. Л[еонидовичу] скажи, что разговаривать нужно с Сапожниковым и в разговорах подчеркнуть, что Вася Катинев не там, где он полагает, а на отдыхе и учебе.

Вот пока все, моя дорогая. Целую крепко тебя и крох

И

Примечания

1. Михаил Исаакович Берестинский (1905–1968) — драматург.

2. Видимо, речь идет о кинорежиссере, участнике Великой Отечественной войны, Илье Захаровиче Трауберге (1905–1948).

3. Дмитрий Иванович Еремин (1904–1993) — писатель. В 1940–1951 годах работал в области советской кинематографии — редактором, начальником сценарного отдела, директором студии.

4. Речь о содружестве писателя (сценариста) и режиссера в работе над сценарием.

5. Режиссер Михаил Ильич Ромм и сценарист Евгений Иосифович Габрилович вместе писали сценарий к фильму «Мечта» (1941). Сценарист Михаил Юрьевич Блейман писал сценарий фильма «Великий гражданин» (1937–1939) совместно с режиссером Фридрихом Марковичем Эрмлером (их соавтором был Мануэль Владимирович Большинцов).

6. Речь идет о кинорежиссерах Георгии Николаевиче Васильеве (1899–1946) и Сергее Дмитриевиче Васильеве (1900–1959). Оба во второй половине 1920-х годов работали редакторами-монтажерами по перемонтажу иностранных фильмов; видимо, каждому из них приходилось «записывать» готовые фильмы для последующего перемонтажа.

7. Акционерное общество УФА («Универзум-фильм-акциенгезельшафт», UFA) было образовано в 1917 году, его задачей было объединить немецкое кинопроизводство. В 1945 году студия UFA, находящаяся в советской зоне оккупации, получает название DEFA.

8. Возможно, И. Вайсфельд имел ввиду эту рекомендацию писателя:

«Чехов <...> опять в который раз уговаривал писать ежедневно, бросить “дилетантство”, а нужно относиться к писанию “профессионально”...» («А. П. Чехов в воспоминаниях современников (1960). Часть 2; из воспоминаний И. А. Бунина»

9. «Как вам это понравится» — комедия Шекспира (написана в 1599–1600 гг).

Набор текста Л. И. Вайсфельд.

Сверка текста, подготовка к публикации, предисловие и комментарии, кроме специально оговоренных случаев, Е. О. Долгопят.